

НАНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

Уважаемые читатели!
В номере приводятся аяты из Священного Корана.
Просьба обращаться с журналом бережно.
ГАУ "Издательский дом"

3. 2023

СОДЕРЖАНИЕ

К 72-ЛЕТИЮ АХМАТ-ХАДЖИ КАДЫРОВА

Дэти СУЛУМОВА
Память о Вас – в наших сердцах /2/

ЛИРА

Ахмет АСХАБОВ
Говорят... /8/
Люба АРСАЛИЕВА
Я с тобою
НЕ ВСТРЕЧУ РАССВЕТА... /11/
Ваха ИСАЕВ
И забрезжит сиянием лунность... /20/
Адам ИДРИСОВ
Я звезды на дорогах
сеял.. /29/
Шамсудин МАКАЛОВ
Кавказ /45/
Малика АЗИЕВА
Хотя бы коснуться. /50/

ПРОЗА

Адам САЛАХАНОВ
Остаться текстом на листе... /15/
Мовла ГАЙРАХАНОВ
РАССКАЗЫ / 24/
Агунда ГОБОЗОВА
Сын охотника. /31/

КОНКУРС

Роза МЕЖИЕВА
ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС «ЛИТЕРАТУРНАЯ ВАХТА
ПАМЯТИ». /52/
Надежда КОЛМАКОВА
РАЗВЕ МОГУТ ИГРУШКИ ПЛАКАТЬ?.. /54/

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Саламбек АЛИЕВ
Ночные песни пленника пламенных звезд. /56/

КУЛИНАРНАЯ СТРАНИЦА

Кухня народов мира /68/

К 72-летию Ахмат-Хаджи Кадырова

Дэти СУЛУМОВА,
заслуженный журналист ЧР

Память о Вас – в наших сердцах

Очередная годовщина... И каждый раз этот день наполняет душу грустью: вспоминается все, что связано с нашей республикой, ее жителями, родными и близкими людьми, которые могли бы жить да жить, наслаждаться сегодняшним мирным небом.

Порою, когда глубоко задумываешься об этом, сердце сжимается необъяснимой болью и на какое-то время просто теряется смысл существования. Даже кажется, что не очень-то справедливо и то, что ты продолжаешь жить, а их... их с нами нет...

Если бы можно было поделиться с ними частью своей жизни, отдав им свои годы!..

Конечно, конечно, я говорю невозможное... И Всевышний дает нам разум и способность довольствоваться тем, что мы можем хранить в наших сердцах святую память о них и от всей души искренне произносить: «Дала гечдойла царна!» Дала гечдойла шайн цахь беллачарна а, «Сийначу Сибрехахь», новкъахь-Газотехь, тЕман арахь, бехк-гуьнахь доцуш, кхелхинчарна а!

Сколько невинных жертв стало и за последние годы в связи с военными событиями! Перестали биться сердца многих безвинных людей...

Не только народ Чечни, но и представители многих и многих других стран не забудут тот «черный» день, когда мы понесли невосполнимую утрату...

Жители республики, как и все россияне, готовились отметить Великий праздник 9 Мая, День Победы. Но, к огромному сожалению, каким-то

нелюдям удалось испортить его: в 10 часов 35 минут на стадионе «Динамо» в Грозном прогремел мощный взрыв, эхо которого прокатилось по всей планете. В этом теракте погиб Президент Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадыров, о котором Владимир Владимирович Путин сказал очень четкие и емкие слова: «Он ушел непобежденным».

Казалось, время остановилось...

Горем переполненные сердца обливались кровью...

Слезы застилали глаза, а люди не днями, а неделями молча обменивались печальными взглядами от бессилия говорить полным голосом...

Как сегодня помню, когда после той трагедии я приехала домой и поздоровалась с мамой, она с опущенной головой произнесла: «Дала хАллак во-йла и нисвелла стаг, цуьнан хьекъале корта хАллак бинарг!!! Кхоам бар-кха цуьнан! Кхоам!...»

А сколько таких мам расстроили эти «неверные», у которых нет ни веры, ни национальности?!

На страницах газет под рубрикой «Трагедия» от представителей многочисленных народов всего мира, осуждающих этот страшный теракт и скорбящих вместе с нами по поводу погибших, размещались телеграммы, заявления, обращения, выражающие глубокие соболезнования их родным и близким.

«В этот скорбный час мы разделяем боль вместе с братским чеченским народом и возносим наши молитвы Всевышнему Творцу. Горько

осознавать и видеть, что нежелающие мирной жизни экстремисты в своем безумном стремлении к продолжению разрушений наносят удары по наиболее уважаемой части чеченского общества. Мы молимся, чтобы Всевышний дал силы всему чеченскому народу стойко и мужественно выдержать эти трагические события. Мира и спокойствия вашей многострадальной земле!»

«Мы склоняем головы перед памятью этого легендарного человека, удивительным образом сочетавшего в себе качества политика, мудреца, гуманиста, борца. Дала гечдойла цунна!»

В том числе обращались и женщины: «...Нет религии, оправдывающей такое преступление! Сегодня пережитое обязывает всех нас ответственно относиться к задаче по укреплению мира и порядка в республике. Мы, женщины, призываем всех, кому дорога судьба Чеченской Республики, крепить мир и дружбу между народами и принять меры, чтобы подобная трагедия никогда не повторилась. Глубоко сопереживаем пострадавшим и сочувствуем близким и родным погибших. Примите наши искренние соболезнования и участие. Дала гечдойла!»

А люди творческие старались излить безмерное горе на бумаге своим мирным профессиональным оружием – пером: один из них – недавно ушедший из жизни известный поэт Умар Яричев.

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

Есть в мире жизни свет и смерти тень.
Есть Родина, народ и долг солдата.
Кто думал, что весенний майский день
Однажды станет траурною датой.

Над нами время вороном кружит
И слишком высока его расплата.
От нас ушел, ушел Ахмат-Хаджи,
Который был отцом и старшим братом.

Он шел вперед по узкому мосту
Своей судьбы, отважен и спокоен...
И принял смерть на боевом посту.
Так умирает настоящий воин.

Он Родине своей и нам служил,
Тревогою надежды озаренный.
Непобежденным жизнь свою прожил
И из нее ушел непобежденным.

А если честно... И по главной сути –
В час испытанья для родной земли
Отец и сын, Кадыровы, и Путин
Наш отчий край от гибели спасли.

Потомкам нашим, память, расскажи,
Чтоб край отцов был счастлив и спокоен,
В бессмертие ушел Ахмат-Хаджи,
Земли родимой настоящий воин.

А нам, владеющим мастерством пера, просто не хватало слов описать постигшее нас горе... Да и дышать стало как-то тяжело... Я все время думала: если и нам, простым жителям республики, так нелегко воспринять эту утрату, то каково же родной семье Ахмат-Хаджи?!. Дала декьалвойла иза!

Сын Ахмат-Хаджи Рамзан Кадыров, который в то время являлся 1-м заместителем Председателя Правительства ЧР, писал: «Трагические события 9 Мая на стадионе «Динамо» заставили меня изменить род своей государственной деятельности. Для меня погибший Президент

ЧР был не только руководителем, но и Отцом, и Учителем. В непосредственной жизни и работе с ним я постигал мудрость политического деятеля, все силы и знания которого были направлены на процветание Чеченской Республики и ее народа... Его насыщенная программа по возрождению Чечни известна всем. И я приложу все свои силы на воплощение стремлений и чаяний моего отца, изменение ситуации в республике к лучшему и продолжу начатое им дело строительства и восстановления не только социально-экономической сферы жизни, но и самосознания нашего народа! Мы не имеем права подвести его! И должны делом доказать не только нашу преданность всем его начинаниям, но и намерение и способность верой и правдой служить своей земле, своей стране, своему народу!»

Но те, которые задумали и совершили это страшное преступление, просчитались! Общая беда еще крепче сплотила чеченский народ, народ, за которого в прямом смысле этого слова болела душа Ахмат-Хаджи Кадырова. Мы-то никогда и нисколько не сомневались в добрых и чистых намерениях нашего лидера, но тому, как восхищались его искренней любовью и отеческой заботой о своем народе представители разных национальностей из всех уголков нашей страны, я стала свидетелем в Москве на 2-ом Всероссийском совещании представителей региональных средств массовой информации.

Мне как журналисту, работавшему тогда в республиканской газете, посчастливилось побывать на нескольких мероприятиях в Москве, в которых «главным героем» являлся Ахмат-Хаджи Кадыров. И я очень этим горжусь!

Так и вы, пожалуйста, на несколько минут «перенеситесь» на то «жаркое» совещание, которое проходило в Москве с 29 ноября по

1 декабря 2002 года, и наслаждайтесь мудростью, человечностью и глубиной содержания, без преувеличения, смелого доклада, с которым выступил Ахмат-Хаджи Кадыров.

Следует отметить, что еще в начале работы совещания, при оглашении приглашенных представителей власти регионов, особый акцент был сделан на имени Главы Администрации Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадырова.

Все 700 журналистов, прибывшие из всех регионов России, находившиеся в Большом концертном зале гостиницы «Космос», стоя, громкими аплодисментами приветствовали появление на сцене А.-Х. Кадырова. Ахмат-Хаджи, которого подвело изменение авиарейса, хотел потихонечку присесть, но не получилось... Всплеск эмоций аудитории прервал предыдущего выступающего, который решил округлить свой доклад. Однако Ахмат-Хаджи попросил его продолжить выступление, прерванное не по его воле.

Пригласили к трибуне Главу Администрации Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадырова. Поприветствовав всех участников и гостей, А.-Х. Кадыров, не заглядывая в бумаги, говорил то эмоционально, то спокойно, но честно, все, как есть:

«Чечня такая, какую мы ее видим сегодня, была «придумана» здесь, в Москве, в кабинетах верхних эшелонов власти. Началось это в то время, когда предлагалось «брать суверенитета столько, сколько можете». Здесь же были найдены люди, которые, прибыв в Грозный, начали организовывать митинги, демонстрации, путчи. И, как следствие, в мутной воде политических страстей поднимала голову криминальная преступность. Дальше была война...

И снова на земле Чеченской Республики идет

война. Гибнут люди. Разрушено все, что можно было разрушить. Заводы и предприятия, жилые массивы. В столице республики не уцелело ни одной крыши. И неважно, как это называется: наведение «конституционного» порядка или антитеррористическая операция. Но если при наведении «конституционного» порядка применяются все виды вооружений, кроме космических и ядерных, то что же такое война?!

В который уже раз судьба проверяет на прочность чеченский народ?! В тяжелейших условиях он поднимает разрушенное хозяйство, живет, надеясь на лучшее.

Два с половиной года я, находясь на высшем государственном посту в республике, вместе со своим народом надеюсь на возрождение нормальной и достойной жизни.

Хотя это и трудно сознавать, что, имея очень много обязанностей, я фактически не имею достаточных для их реализации полномочий. Сегодня в республике даже самая незначительная на первый взгляд работа должна вестись тонко, продуманно и размеренно. Это возможно лишь тогда, когда ты наделен достаточной властью. Этот тезис касается не только руководителей, но и вас – журналистов. Ведь вы представляете четвертую ветвь власти. Порою один журналист может навредить обществу больше, чем иной террорист. Благодаря «тупому» перу некоторых журналистов в средствах массовой информации проходят материалы античеченского содержания, несущие в себе ярко выраженный националистический настрой. Задача профессиональных журналистов – объективно отражать действительность, стараясь не навредить людям. Нужно помочь народу Чечни сохранить пока еще хрупкие ростки мира и стабильности на нашей земле.

Да, у нас еще много того, с чем нам необходимо бороться. С первого дня моего назначения я пытаюсь добиться того, чтобы в Чечне самыми уважаемыми были права человека. К сожалению, основы Гуманитарного права на территории Чеченской Республики продолжают нарушаться, а виновные в этом часто остаются безнаказанными. В этой ситуации трудно говорить о каких-либо положительных сдвигах в жизни населения. Все хорошее исчезает после очередных «зачисток». Остаются боль и обида, помноженные на горе и слезы.

Мы теряем людей, хотя нам много раз обещали, что не будет массовых «зачисток», а будут только адресные, но «воз и ныне там».

Люди со своим горем приходят ко мне, потому что больше уже ни на кого не надеются. Это тяжело сознавать мне как руководителю, который порою не может им помочь, потому что нет у меня возможности пресечь беспредел, с какой бы он стороны ни исходил. А другого адреса, куда можно было бы обратиться за помощью, у людей, к сожалению, пока нет.

Но жизнь продолжается благодаря мужеству и стойкости народа. Рождаются новые семьи, появляются новые граждане республики. Для них ремонтируются и восстанавливаются школы, в которых уже сейчас двести семнадцать тысяч учащихся. Восемнадцать тысяч студентов учатся в высших учебных заведениях Чечни. Оживают промышленные предприятия.

На сельскохозяйственных угодьях трудятся хлеборобы, получая невиданный урожай. Возрождается торговая сеть.

И тем более обидно за «горе-политиков», которые и двух дней не проведя в Чечне, при этом стараясь не попасть в опасные зоны, по возвращении в теплые безопасные квартиры и

кабинеты за пределами республики начинают поучать нас, как и с кем нам жить. Считая себя истиной в последней инстанции, они хотят разделить чеченский народ колючей проволокой на «белый» и «черный». Нам такие варианты не подходят.

В республику возвращаются вынужденные переселенцы из палаточных городков Ингушетии. Для оставшихся семнадцати тысяч подготовлены пункты временного размещения, часть из них будет заселена в частных секторах. За неполные три года мы добились того, что полностью и регулярно выплачиваются пенсии, пособия на детей и по безработице.

Возвращаюсь вновь к большому вопросу – обеспечению безопасности населения. В этом плане оптимизма нам придает приказ министра внутренних дел Российской Федерации о создании Министерства внутренних дел Чеченской Республики. Это позволит нам вывести излишний контингент войск к местам постоянной дислокации, а остающийся на постоянной основе – разместить в казармах.

Президент РФ В. В. Путин согласился с этими планами, хотя до полного формирования МВД ЧР трудно говорить о конкретных сроках.

Подождем, пока окрепнут ряды чеченской милиции.

Существуют и политические моменты, на которые мы возлагаем большие надежды. В течение года группа компетентных работников, специалистов в различных областях работали над проектом Конституции Чеченской Республики. Проект обсуждался на всех уровнях и был утвержден. Впереди – референдум, который предполагается провести в марте 2003 года. Надеемся, что жизнь в республике войдет в правовое русло, и мы не повторим ошибок, когда

из-за отсутствия даже своей паспортно-визовой службы мы открыли двери всем желающим, в том числе и явным террористам, въехать в республику, оправдывая это тем, что мы строим шариатское государство. Сегодня мы пожинаем плоды от этих «открытых дверей». «Норд-Ост» – того же происхождения», – сказал в заключение Ахмат-Хаджи Кадыров.

В зале, где проходило совещание, было установлено четыре микрофона, к которым подходили желающие задать вопрос Главе Администрации Чеченской Республики. Очередь к стойкам микрофонов выстраивалась еще в ходе выступления. Ахмат-Хаджи отвечал на вопросы, как всегда, кратко, четко и убедительно.

В конце брифинга А.-Х. Кадыров сам задал журналистам несколько вопросов: «Почему же вы, журналисты, как правило, с «завидной» оперативностью спешите освещать в средствах массовой информации об отрицательных событиях, происходящих в республике или вокруг нее?»

«Почему везде прослеживается «чеченский след»?»

«Почему определение «бандит», «террорист» обязательно связываете с людьми чеченской национальности?»

«Не только журналисту, но и любому сознательному человеку должно быть понятно, что у преступника нет и быть не может национального признака! Об этом неоднократно говорил Президент России.

Пожалуйста, будьте осторожны в выборе определений, старайтесь писать, говорить, не оскорбляя весь народ Чеченской Республики. Тем более, что наш народ многонационален.

Ваше слово должно служить миру и добру, а не разжиганию межнациональной розни и на-

гнетанию и без того сложной ситуации. Давайте жить дружно!»

Все присутствующие в зале поддержали призыв аплодисментами.

Вот таким был наш Ахмат-Хаджи! (Дала декъалвойла иза!)

Возвращаясь к сегодняшнему дню, мы видим, что Глава ЧР Рамзан Кадыров своими значительными поступками, конкретными делами, внимательным отношением и искренней заботой о своем народе убедил весь мир в том, что он является достойным сыном своего отца и преданным лидером своей республики.

Оглянитесь вокруг! Разве это не доказательство тому?! Благодаря титаническому труду умелого, целеустремленного молодого Рамзана Кадырова Чечня расцвела новыми красками, преобразилась каждая улица, каждый дом. Гости республики не скрывают своего восхищения достопримечательностями: роскошью новостроек – жилого и делового комплекса «Грозный-сити», похожего на небоскребы Арабских Эмиратов, комплекса правительственных зданий в Грозном и самой большой мечети в Европе «Сердце Чечни».

Есть у нас и другие объекты, которыми гордимся не меньше: это прекрасные здания сферы здравоохранения, образования, культуры, национальная библиотека, театры, развлекательные центры, парки, дороги, мосты.

А самое важное – это мирное небо над головой!!!

Конечно, у каждого человека свой характер, свой взгляд, свои цели, мечты, но, честное слово, я не понимаю, правда, и не хочу понять людей, которые добровольно покинули свой родной город, свое Отечество и живут где-то далеко от этой красоты – за границей, в других городах.

В годы депортации – понятно, был «Указ», было кого обвинять в том, что разлучили с Родиной, родными горами, чудесной природой, близкими людьми...

А сегодня кто их гонит? Кто заставляет в мирное время вдали от своего города скучать, страдать по своей же земле, по земле своих предков?

Просто не понимаю, как настоящая чеченская душа может наслаждаться чужими обычаями, традициями? Вынужденная поездка – это одно, но чтобы переехать жить не то что в заграничные страны, даже – в другой регион, пусть совсем близко – Дагестан, Ингушетия, дай Бог счастья их населению, я бы не смогла!!!

Не хочу дышать воздухом чужого города, воздух моего города, могу поклясться, намного слаще.

Я люблю свою Чечню, свой Грозный! Особенно сегодня, когда он радует тебя своим «королевским нарядом» – и днем, и ночью сияющим, ослепляющим своей красотой. И как не гордиться им?! И как не гордиться не по годам мудрым руководителем Рамзаном Кадыровым, который создал для нас эту красоту!

Народ бесконечно благодарен Вам, наш уважаемый Рамзан Ахматович, за то, что Вы сумели создать этот волшебно сказочный «Дом мира и дружбы» на прочном фундаменте, заложенном для нас нашим заботливым, многоуважаемым Ахмат-Хаджи Кадыровым!

Моя Чечня, возродившаяся ценой жизни таких уважаемых дорогих нам людей, память о которых никогда не умрет, пока жив чеченский народ, дай Бог тебе стабильности, разумных граждан и мирной жизни на долгие века!

Чтобы на твоей земле не было трагических событий, а жителей радовали только светлые праздники!

Ли́ра

Ахмет АСХАБОВ

Родился в 1955 году в Казахстане, в Хобдинском районе Актюбинской области. Образование среднее. С 1981 по 2013 годы жил и работал чабаном в Казахстане. Любит классическую русскую поэзию. Пишет стихи и рассказы уже много лет, однако впервые стал публиковаться, лишь с 2014 года в журнале «Вайнах» – когда вернулся на свою историческую родину.

ГОВОРЯТ...

Говорят: «Своя рубашка ближе...»
Или, скажем: «Моя хата с краю»...
Вам ведь тоже приходилось слышать
Часто эти изречения, знаю.

Знаю, что не вдруг они возникли –
«Дыма не бывает без огня».
Все же не хочу, чтоб мы привыкли
Прятаться за жалкие слова.

Прячут за расхожими словами
Трусость или черствость слабаки.
Но нельзя же всем быть слабаками –
Кто-то должен солью быть Земли!

Кто-то должен добиваться правды,
Быть опорой близким в тяжком горе.
Кто-то должен быть примером – слабым,
Или с кем-то помириться в ссоре.

Быть кому-то суждено мишенью,
Вызывая на себя огонь.
Те, кто в «крайней хате», к сожаленью,
Лишь в «своей рубашке» видят бронь!

СТЕПЬ МНЕ БЫЛА...

Степь – как страницы тетради была,
Да посох чабанский – вместо пера.
В пыли на проселках писал я в стихах
О боли сердечной – Кавказских горах.

То к жаркому полдню, спустившись к реке
Овец напоить, я, от них в стороне,
Вновь острым сухим концом тростника
Буквы чертил на той глади песка.

А утром, вернувшись к твореньям своим,
Я не находил уж от них и следа –
Ветром сметало те знаки в пыли,
С песка их смывала речная вода;

То вьюжной зимою, на белых снегах
Сугробах стихотворенья писал,
Сжимая посох в озябших руках –
Как будто заботы иной и не знал.

Спустившись к речке, где лед голубой,
Чабанским ножом, присев на берегу,
Усердно царапал строку за строкой,
Что в воспаленном рождались мозгу.

А вскоре метель там уже завывала,
И не было видно, порою, ни зги;
Стихи же на льду, словно бы покрывалом,
Течением быстрым крыло реки...

Ах, сколько ж, Отчизна, тебе посвящал
То в зной, то в заснеженной вольной степи,
Я строк стихотворных – кто б в них узнал
Излитые в буквах слезы тоски?!

У КОБДЫ*

Красив весенний, теплый вечер!
Как сон волшебный он красив:
Зажглись в небесной люстре свечи,
Вода полощет косы ив.

Сиж у кромки тихой речки
И лепет слушаю струи,
В песок, нагретый будто в печке,
Зарывши босые ступни.

Напротив, темной полосой
Рогоз, в Кобду зайдя по пояс,
Упруго шелестит листвою,
О чем-то сонно беспокоясь.

А дальше, выше полосы
Рогоза, в сумерках сереют
Мазар заброшенных горбы –
Их вид печаль на сердце сеет.

Побоку, с южной стороны,
Поселок маленький вдали
С названием звучным – Ново-донцы
– зажег призывные огни,

Раздался вольно у Кобды
Холма высокого в подножье –
Коль не было б иной мечты,
Так края не было б дороже!

А рядом, за моей спиной,
Овечки сытые лежат
И два лохматых пса – покою
Служа отары, чутко бдят.

Сгустились сумерки, и ночь
Укрыла землю под крылом.
Весь мир уснул, а мне – невмочь:
Струя лепечет о былом!

ЭТОТ ВЕЧЕР...

Мальсагову Г.

Этот вечер ненастный, дождливый
Нас под крышей твоею собрал –
Чтоб развеять настрой наш тоскливый,
Суету, от которой устал.

Дождь по крыше стучит торопливо,
Ты радушно зовешь нас к столу,
Мокрой тенью, сгущаясь, пугливо
Ночь застыла, прильнувши к окну.

И теперь за столом, мы, вкушая,
Продолжаем беседу свою.
Знаю, каждый душой отдыхает
В этом дружески теплом кругу.

Я с любовью гляжу в эти лица,
Детством спаянных вместе друзей:
Плохо верится, что уж не снится –
То, что снилось мне много ночей!

Неужели ж, взаправду я к другу
Заглянул наяву – не во сне?
Ох, как я ненавижу разлуку,
Что на годы разводит друзей!

Раскидала судьба молодыми –
Чтоб свести, убелив сединой...
Ах, как рад я, что все мы живыми
Возвратились с чужбины домой!

Точит мысль лишь одна многократно
И палит крылья нашей мечты –
Путь земной завершив, невозвратно
Человек каждый должен уйти!

Потому дорожу я часами
(признаю в том великую честь),
Когда я со своими друзьями –
Это благо великое есть!

---

*Кобда – речка в Казахстане.

Ли́ра

Люба АРСАЛИЕВА

Родилась в 1979 году в с. Ачхой-Мартан Чечено-Ингушской АССР. Окончила филологический факультет ЧГУ. Стихи пишет с детских лет. Занимается переводами, а также журналистикой. Основное направление в поэзии – любовная лирика. Некоторые ее произведения вошли в коллективный сборник молодых литераторов «Ростки». Член Союза писателей Российской Федерации, Член Союза журналистов Российской Федерации, шеф-редактор телерадиокомпании «Грозный». Пишет на русском и чеченском языках. Заслуженный журналист Чеченской Республики (2018). Лауреат премии Союза писателей Евразии, Союза писателей переводчиков. Награждена Московской городской организацией СП России медалью им. Чехова.

Я С ТОБОЮ НЕ ВСТРЕЧУ РАССВЕТЫ...

Ночь ложится на дно моих мыслей,
Звезды плачут брильянтов слезами...
Может, это мне все-таки снится,
Может, все это длилось веками?

Как дыхание смерти в затылок,
Веет ветер твоей непогоды...
Даже если все это и было –
Не тебе мои страстные оды.

Хрусталем на руках через вьюгу
Обещаний твоих беспросветных,
Что сумела сберечь – не забуду,
Но с тобой я не встречу рассветы.

СТАТЬ ДЛЯ ТЕБЯ ПРОЗРЕНЬЕМ...

Опахалом ресниц своих
Я сдуваю пылью сомненья,
С затуманенных глаз твоих,
Чтобы стать для тебя прозреньем.

Пусть немного, но чем-то стать,
Отраженьем немого взгляда,
Повернуть это время вспять
В пору зимнего снегопада.

И однажды, неважно как,
И когда, ведь не в этом дело,
Оживить той надежды прах,
Что со мной до конца сгорела...

ГДЕ-ТО В ОБЛАСТИ СЕРДЦА

Где-то в области сердца
Екнуло... может, к счастью,
Дымом запахло едким,
Боль догорает страсти.
Я заглянула в душу...
В крепости этой спящий
Ты почему-то слушал
Хруст моих грез горящих.
Я бы глаза закрыла,
Чтобы не видеть это...
Что-то живьем забилося
В области сердца где-то.

Это – любви осадок,
 Это – не сжечь, не выдать...
 Это – души остаток,
 Это – последний выдох...

Все понемногу стихнет,
 Это пройдет не сразу...
 Может, и я привыкну
 Не занавесить разум...

Вроде бы, все на месте,
 Нет ни чужих, ни лишних...
 Просто в области сердца
 Ты задержался слишком...

СИЯНИЕ СВЕТА...

Свечи, зажженной в пустоте,
 сияние света
 На горизонте дней своих
 найду я где-то.
 А в очертаниях огня –
 твои приметы
 И не понятной до конца
 души секреты...
 На фоне гаснувшей свечи
 лучом заката
 Мелькнет твой стих, что сотворишь
 ты мне когда-то...

ВЕДЬ ЕСТЬ ДУША...

Я верю, что лихое бремя
 Не свалит с ног союз наш крепкий,
 Хотя и в нас порою время
 Стреляет метко и нередко.

Ведь есть душа, она-то, верно,
 Без слов поймет другую душу,
 И боль, натянутую нервом,
 Своею добротой заглушит.

А мы-то знаем, дружба наша
 Совсем другого измерения,
 И оттого она нам слаще,
 Что не подвергнется сомнению.

АКРОСТИХ

Меня волнением унесло,
 и в омуте бывшего счастья,
 которое как сон прошло,
 и не успевши распрощаться –
 я отблески зари ловлю,
 любви, надежды безотрадной,
 юлой кружась на ветру –
 бросаюсь в омут безоглядно...
 Ложится яркий свет на дно,
 юг озаряет блеск сиянья
 твоей звезды... но не дано
 ей пережить сердцец слиянье...
 Мне быть с тобою не дано –
 я сберегу воспоминанья...

МЕЧТЫ О ТЕБЕ

Я жду, надеюсь, что когда-нибудь
 С тобою встречу – этим я живу.
 Я дар бесценный миру б отдала,
 Чтоб снова посмотреть в твои глаза...
 Среди этой бесконечной суеты
 Одно спасенье – о тебе мечты...

МГНОВЕНЬЕ СЧАСТЬЯ...

Я днем и ночью плачу о тебе,
Но я скрывать умею свои чувства.
Хотя порой бывает трудно мне,
Я радуюсь, а на душе так грустно.

И забываюсь я в мечтах своих,
Как будто бы в твоих объятьях
сладких...
И просыпаюсь я в глухой ночи,
И понимаю, что любовь лишь сказка.

Прекрасная, похожая на сон,
Где все бывает сказочно красиво,
Где может быть с тобою рядом он,
И вместе с ним ты можешь быть
счастливой.

Но я, увы, не верю в чудеса,
Реальность жизни больно бьет
сознание...
Мечты и сны уходят в небеса,
А горечь остается, как ни странно.

Но сердце вновь и вновь
спешит к тебе,
Глаза тебя лишь в этом мире ищут.
Где ты бы ни был – рядом, вдалеке –
Я чувствую тебя всем сердцем...
Слышишь?

Приди ко мне, я знаю, я смогу
Тебе доверить всю любовь
и нежность.
Ты позови, я за тобой пойду,
Закрыв глаза, без сожаленья, смело.

И я ни в чем не упрекну себя...
Мгновение счастья
мне с тобой дороже,

Чем вечность целой жизни без тебя,
И выжить мне любовь твоя поможет.

Я стану сильной,
мне бы только знать,
Что рядом ты со мною и навеки.
Я ни на что не оглянусь назад
И ни о чем уже не пожалею.

СЛЫШАТЬ ГОЛОС ТВОЙ...

Душа, забытая тобой...
Тебе ль понять, что с нею стало?
А нужно было ей так мало
Для счастья – слышать голос твой...
Счастливой быть в своем несчастье
Я научилась лишь с тобой...

ВСЕ ИНАЧЕ ТЕПЕРЬ

Ты поверь,
мое лето останется теплым,
даже если уйдешь навсегда.
Холод чувствуя кожей, я скажу:
«Ну и что же,
Мне хватает тепла.

Ведь в открытые двери
открытого сердца,
словно в зиму метель,
Ты ворвался без стука...
я стерпела ту муку...
Все иначе теперь.

Я другая, быть может,
на себя не похожа...
Все же что-то осталось в груди,
Ведь тебе не желаю ни горя, ни боли,
даже долю несчастной
любви...

Я ведь тоже любила
и по небу парила,
забывая про страх,
В бесконечность поверив,
тебе сердце доверив,
обманулась в мечтах...

УХОЖУ, ПОКИДАЯ БЕСПЕЧНОСТЬ...

Ухожу, покидая беспечность.
Ухожу, не жалея себя.
Ухожу, чтоб проститься навечно,
Ухожу, чтоб любить не тебя.

Заберу свое тихое счастье.
Заберу, что хотела забыть.
Заберу, чтоб не рвалось на части.
Заберу, чтоб тебя лишь любить.

Забреду в неизвестность куда-то.
Забреду, ты меня не найдешь.
Забреду, может, к пламени ада.
Забреду, только ты не поймешь.

Попрошу, чтобы муки не длились.
 Попрошу, чтобы жить, не любя.
 Попрошу всеми просьбами мира,
 Попрошу, только не для себя.

Полюблю, потому что так надо,
Полюблю, чтобы как-то прожить.
Полюблю, хотя вовсе не рада...
Полюблю, чтоб тебя не любить.

УПОРХНУТЬ БЫ ПТИЦЕЙ

Мое сердце в клетке на замке,
А душа забилась в уголке.

Упорхнуть бы птицей далеко,
Улететь бы в небо высоко.

Где лишь светят звезды и луна,
Где земля лишь издали видна.
Обрести навеки там покой,
Забывая про земную боль.

Вместе с небом чувствовать рассвет,
Уберечься от ненужных бед.
Пусть к земному потеряю след,
Ни надежд, ни сожалений нет.

Распахнув изящные крыла,
Затеряться в нежных облаках.
Света солнца чуть и чуть тепла,
Чтоб душа согреться бы смогла.
Звезд коснуться и луну обнять,
Не бояться с высоты упасть.
Может быть, смогу на небесах
Стать другою, даже лучше стать.

МЕНЯ Ж КАК БУДТО БЫ НЕ СТАЛО...

К твоим прислушавшись словам,
своим доверившись мечтаньям,
тебя вознесши к небесам,
себя подвергла я страданьям.

Твоя обычная любовь –
мое неслыханное счастье...
Ты даже не заметил боль,
когда душа рвалась на части.

Обычный завести роман –
твоя несложная попытка.
Поверить в сладкий твой обман –
моя нелепая ошибка.

Адам САЛАХАНОВ

ОСТАТЬСЯ ТЕКСТОМ НА ЛИСТЕ...

/Рассказ/

Когда все, что задумал автор, впечаталось в его сознание, распатало и зарядило воображение новыми фантазиями, он захлопнул книгу и потушил светильник. Нащупывая ногами теплоту под одеялом, он протер покрасневшие от чтения глаза. Перевернулся на левый бок и начал ждать, когда поток мыслей столкнет сознание в бездну сновидений. Первой на ум пришла тема, однажды попавшаяся на глаза где-то в Сети: «Прокручивайте перед сном все, что вы сделали за прошедший день, или планируйте в уме график завтрашнего. Это способствует развитию памяти, координации внимания. И к тому же, помогает уснуть».

На завтра все было настолько окончательно решено, что и возвращаться к этому сценарию не было никакой надобности. А прошедший день... Вполне обычный день. Разве что нервное выражение лица шухернувшего Зёмы заставляло улыбнуться каждый раз, как только вспомнишь его. И впрямь мысленная щекотка какая-то...

Да еще эта белиберда его: «Если-тебе-в-напряг-оставить-его-у-себя-то-давай-спрячем-где-нибудь-братан-нет-конечно-же-я-не-боюсь-отвечаю-но-я-как-бы-уже-не-в-первый-раз-вижу-эту-машину-на-своем-маршруте-в-последние-дни-и-тут-явно-что-то-не-так-отвечаю». Уже тогда пришлось прикусить язык и с трудом сдержаться, чтобы не расхохотаться ему прямо в лицо. Да-а, сегодняшний Зёма-заяц был полной противоположностью позавчерашнему Зёме-волку...

Но, как же он вошел в роль гангстера! «Просто так, братан, среди бела дня, люди не роятся в

мусорной урне городского парка. Отвечаю! И уж точно, не в таком зализанном прикиде!.. Короче, один кладет свой пакет в урну, потом второй заменяет его другим – и первый может забирать «обменку». Отвечаю, братан! И я это не один и не два раза видел. В общем, график изучен. Отвечаю! Все, что тебе нужно сделать, братан, это по моему сигналу отвлечь толпу криками, типа: «У МЕНЯ УКРАЛИ ТЕЛЕФОН!» Ну, или: «ЧЕЛОВЕКУ ПЛОХО, ВЫЗОВИТЕ СКОРУЮ!» В общем, как тебе удобно, братан, лишь бы ты навел суету в толпе. А я по-шустрому его цапану. И все пучком! Отвечаю!»

Надо было заснять это перевоплощение на видео и отправить в Голливуд. Разве старине Зёме помешает статуэтка Оскара на своей тумбочке?!

Просто диву даешься – еще пару дней назад он рычал волком про свой план, а сегодня уже пищит: «...или-если-хочешь-братан-я-брошу-его-туда-где-взял-отвечаю»... Ага... Щас. Бросит он. С разбегу. Как Майкл Джордан, в прыжке на два метра... Скорее, меня швырнет, как лошару... Не тут-то было! Вот ему и поездка в кругосветное, с подругой.

Когда он еще раз вспомнил эту переменчивость Зёминой физиономии, его лицо опять начало растягиваться в улыбке. Постепенно глаза замуривались все медленнее, а веки чуть дольше оставались закрытыми. И с каждым мерным вздрагиванием ресниц он улетал все дальше в мир сновидений... Невозможно поймать момент, когда засыпаешь. Никаких переключателей. И очевидность того, что ты уснул, осознается лишь

при пробуждении. Да и само наше рождение разве не является предопределяющим фактором неминуемой однажды смерти? Как говорит Зёма, «Отвечаю!»

Под эти мысли весь сумбур в голове рассеялся, дыхание замедлилось синхронно с дрожью (едва уловимой теперь) ресниц. И вот, веки закрыты, дыхание на минимуме... Он уже погружался в сон – почти провалился в него, когда услышал шум в коридоре.

Поскольку сорванные сном мысли были ценнее, чем сам сон, который, в свою очередь прерванный шумом, был еще слаще, чем привкус узурпации покоя, он напряг слух острее, чем обычно. Ведь подобное он не позволял даже будильнику.

Прошла пара минут... Он уже приготовился прозевать: «ПоказАлось», – перевернуться на другой бок и мыслями о завтрашней транспортировке раскачать колыбель своего сознания. Но... не совсем показалось.

Из коридора послышался шорох приближающихся шагов. Кто-то очень осторожно пробирался то ли к нему в комнату, то ли в зал. Сонливость как ветром сдуло. Да и еще таким, что кровь в жилах застыла. Как можно бесшумнее встав с кровати, он подкрался к двери. За секунду до того, как она открылась, он успел спрятаться за ней. Звук шагов вступил в комнату, окончательно защемив его между дверью и стеной. Некто уже стоял на пороге и пристально всматривался в темноту его комнаты. В этой контуженой тишине он замер, затаив дыхание, и, ожидая, что этот кто-то вот-вот заглянет за дверь или же услышит галоп его сердца, набравшего обороты так стремительно, что еще чуть-чуть – и оно начнет стучаться в дверь, пробив грудную клетку... Если, конечно же,

не лопнет. Наверное, вот из-за этого скакуна в груди он не сразу услышал, что шаги удаляются в сторону зала. Медленно выходя из ступора, а потом уже из-за двери, он начал восстанавливать дыхание. Глядишь, и сердце уgomонится. Мысли бурлили нескончаемым потоком. Но больше всего давил напор тех, что буквально кричали: «Это за тобой! Или за ним! А может, и то, и другое!» Выбора не было – или ты, или тебя. Его взгляд стал рыскать по комнате, влезая во все щели и углы, в поисках колющих, режущих, тупых, острых и тому подобных предметов для самозащиты. Вдруг память джипиэсом дала наводку его запутавшемуся в испуге мозгу: «цель – гантели – через два метра поверните направо». Действительно, в двух метрах от него, под кроватью, их грузные очертания угадывались даже в темноте. Он поспешил к ним – быстрым движением поймал этот маленький мост между двумя мини-планетами. Поднял. Чугунный знак бесконечности какой-то. Весом в восемь килограмм... Или та самая цифра 8. Приняв стойку истребителя мух – с гантелями вместо хлопушки, – он сразу же направился по еще неостывшему следу – чтобы одновременно с каждым шагом чужака его босая пятерня ступала своими осторожными шагами: правая ступня веером на пол, ровно через секунду, левая – шаг вперед. Словно какое-то многоконечное насекомое.

Оптимальный вариант: догнать чужака в коридоре прежде, чем тот успеет войти в гостиную. В противном случае, оглядывая комнату, «гость» мог заметить его боковым зрением. Действовать нужно быстро. Между ним и удаляющимся темным силуэтом метра четыре. Чужак тоже был осторожен – крался, что называется, на цыпочках. А до другого конца коридора – где темнела прихожая, через окно которой, видимо, он и забрался

– было метра три. Однако тьма с той стороны, шепчущая: «А, может, соскочить?» – казалась ему еще менее спасительной. Напротив, она предательски отзывалась шумом спотыкания, выскользнувшей из рук и с грохотом упавшей на пол гантелей, ударом колена об обувную полку и, конечно же, нервной возней с дверной ручкой – будто впервые пытаешься сладить с ней.

И все это повернувшись к нему спиной?! Однозначно – нет. Эта идея отсеялась. Вряд ли он успеет даже оглянуться – после такого-то палева в темноте у двери... Походкой циркуля он проследовал за незванным гостем. Теперь на каждый один его шаг нужно было делать два. А еще лучше три, в бесшумной погоне. Новая цель – «затылок темного силуэта». Дыхание было за-таено еще на выходе из комнаты. Оставалось настроиться на точный замах. Подобно плотнику, обрушивающему контрольный удар молотком по гвоздю, торчащему из деревянного столба. Зубы стиснуты. Последние шаги замедляются на посекундный темп – страховка от наезда из-за, вполне возможной, внезапной остановки. Но вот, уже... три, два ...

Неожиданно что-то мягкое и кожаное, жестко защемив рот, рывком потянуло его назад. И в то же мгновение тонкая и твердая штука вонзилась в правый бок. Как в сдобную массу. А потом еще – ровно посередине гармошки ребер. «Мехи его аккордеона проткнули, между ребер справа» – сообщила боль, моментально вскарабкавшись в сознание. Но какой бы сильной ни была эта боль – крик, на который способен человек с крепко зажатым ртом – всего лишь немое мычание носом. На него-то и обернулся темный силуэт впереди. От острой боли в боку рука ослабела, пальцы разжались, и гантель полетела вниз. Но вместо ожидаемого грохота он услышал звук на

удивление приглушенный – как от удара тяжелым предметом обо что-то менее твердое, чем пол. И в тот же миг за его правым ухом раздался сдавленный крик:

– Ааа!.. – несколько мгновений спустя сменившийся на более осмысленный и злобный – Ах ты, сука...

Тот, кому принадлежал голос, продолжал повторять это, словно вбивал на печатной машинке точку после каждой фразы в тексте. Затем последовало еще несколько ударов – тем же тонким и твердым предметом, в уже разогретый болью и теплой жидкостью бок... То ли боль сделала его тело тяжелее обычного, то ли расплавила мышцы ног, но на третьем или пятом ударе ноги подкосились, и он смиренно спланировал на пол вслед за гантелью. На полпути, в падении, то, что сжимало рот, схватило его за подбородок, зафиксировав на коленях, с задраным к потолку лицом... Когда он втянул в себя внезапно высвободившимся ртом побольше воздуха, его мозг в автономном режиме еще продолжал выдавать логически наиболее результативные действия: мольба о пощаде или же вопли: «НА ПОМОЩЬ!» Но та же тонкая и твердая штука, прижавшись к яремной вене на шее слева, резким движением прошлась – не столько по, а сквозь горло – и вправо... В одно мгновение тот рот, к которому он привык, стал рудиментарной частью тела. А посередине его горла распахнулся новый – и первый изданный им звук был похож на свистящий шелест разрываемого картона. Из этой пасти выплеснулось еще больше жидкости и теплым слюнявчиком разогрело грудь. Освободив подбородок, его, теперь уже полностью обмякшему, телу позволили шлепнуться лицом в пол. Тень впереди отскочила назад, чтобы падающий не задел его и ошеломлено протараторила:

– Черт подери, старый! Ты что творишь? Ты ж и этого...

– Замолкни с...сопляк – просипел, сдерживающий боль, голос позади лежавшего.

Сам лежавший мог участвовать в этом диалоге только хриплым выдохом:

– Ххх... – и рвущим вдохом: – Кхх... – через ту самую «пасть» посредине горла... Синхронно с виброконвульсиями конечностей. Как телефон на беззвучном режиме.

– Ну, ты ж сам, вроде, хотел сначала спросить его о пакете, – напомнил Сопляк.

– Ага. А потом возиться с двумя трупами?! – полуспросил Старый.

– Почему с двумя?.. С тем же вроде...

– Я про тебя, олух. Еще бы чуть-чуть, и он проломил твою пустую черепушку. Так что, с-сука, – опять по-змеиному прошипел Старый, – один палец точно сломан... Да я и не думал... Хотел слегка умерить его пыл, пырнув разок для начала. Но, эта хреновина, – которую, кстати, он для тебя нес... А ты мне еще...

– Спасибо, конечно... – поспешил благодарствовать Олух. – Но все же, быстро ты его, однако. Как мясник на бойне. Видать, рука уже набита...

– Морду я те шас набью! – угрожающе «подытожил» Забойщик.

Последняя угроза прозвучала совсем рядом с лежавшим. Правым плечом он почувствовал, как что-то двумя быстрыми движениями вниз вытерли об него. Это были уже последние капли осязательных чувств, донесшиеся из его немеющего тела в мозг. По мере того как слабеющая качалка в груди выплескивала горячую жидкость через рану в боку и раззявленное горло на пол, энергия из тела испарялась. Конечности морозно парализовались. Все тепло его тела округлилось в луже, разраставшейся под ним. Но он его уже

не чувствовал. Осязание элиминировалось. Полная парализация наступила как неожиданный приступ. Взгляд стекленевших глаз зафиксировался на той самой красной луже, которая постепенно набирала темный оттенок. Понемногу эта темнота то ли ослепила его, то ли – впитала в себя и погасила все вокруг. Он погрузился во мрак. Медный вкус крови испарился из его рта. Даже кончик кисло-древесного запаха сорвался у самых ноздрей. Точнее, и эти два чувства погасли – вслед за предыдущими.

Все его восприятие удерживалось на тонких нитках слуха, которое, с перебоями, улавливало:

– ...теперь тебе ясно, почему я всегда говорю держать дистанцию... Кретин... Вот что я называю «прикрытием».

Скоро и эти слуховые нити оборвутся – не жели вытянут его из тьмы. Но поскольку они были его последней связью с реальностью, он вцепился в них. Паря воздушным змеем, он опять уловил:

– Да ну... А мне это больше показалось «приманкой», чем «прикрытием». Уже в который раз, «доблестный» ты мой спаситель! – почти смело швырнул Кретин.

– Слушай с-сюда, ты! я еще не разрулил с тобой вопрос о том, «Как тебя угораздило среди бела дня проморгать этот пакет?», а ты мне тут еще предьявами огрызаешься?! Мне нужно было подождать пару секунд, чтобы первый заяц прихлопнул второго? Тогда и перо не пришлось бы дважды марасть. – Голос Доблестного Спасителя направился в сторону Кретины. – Иди сюда, гнида!

– Стопэ, Старый! – рывкнула Гнида. – Не лезь ко мне... клянусь я тя.....

Конец связи. Тишина. Слуховая нить оборвалась. Глухой вакуум в голове. И в этом вакууме – подобно космонавтам в космосе – парят мысли.

Он понял, что и они обречены. Его сознание испаряется, как кусочек льда на раскаленной сковороде... И шипучим паром проецирует итоговые мысли. Целая колода разных, вероятных картинок. Но под одним заглавием: «Не может быть – это просто кошмар».

Вот, к примеру, недавняя картинка. Он валяется в темноте, в своей койке. Спит. Внизу картинке примечание: «Шум в коридоре – это было началом сна, а не наоборот. Просыпайся!» Или, для вящей надежности, картинка более ранней зарисовки. Он под светом светильника, с распластавшейся на груди книгой, дрыхнет в той же койке. И, следовательно, примечание внизу тоже иного содержания: «Вовсе не книгу ты захлопнул, а ресницы. И моментально уснул. Проснись!» Из-за неспособности оживить ее, она тоже накрывается следующей картинкой. Опять все со стороны. Он. Комната. Книга под светом светильника. Но примечание чуть иного содержания:

«Еще вначале чтения ты погрузился не в сюжет, а в сновидение. Давай обратно!!!» Такие оптимистические примечания породили свои теории надежды:

1. Никто ничем не кромсал твою плоть, это просто спазмы сосудов во сне.

2. Теплая лужа под тобой – это не то, что ты подумал. Это то, от чего ты иногда просыпался в детстве. А после такого сна и стыдиться нечего.

3. Увядание чувств – это не угасание жизни, а просто конец сновидения.

Но по мере того, как картинки памяти начали растворяться во мраке, тусовка примечаний ускорила. Строка побежала: «Это точно сон... никак иначе... всего-то в двадцать семь... сейчас проснусь... нелепо... только не со мной... из-за какого-то пакета... кошмарный сон... всего лишь соучастник... реальность рядом... проснуться и

уехать... да ... пробуждение... ну же... сейчас... не важно где... не важно когда... даже не важно кем... лишь бы проснуться... в привычном мире... верить в пробуждение... все не так... только б проснуться... распахнуть тьму ресницами... вселиться в картинку... в любую».

Подобный самоанализ не только превратил его в зрителя, наблюдающего за собой со стороны, но даже перевел внимание на кого-то, кто также наблюдал за самим зрителем, которым он себя только что определил. Как будто он был единственным человеком в кинозале, который смотрит фильм про себя и вдруг замечает, что в рубке, где-то за его спиной, сидит «кто-то» и крутит пленку. На языке его подсознания, взгляд этого «кого-то», подобно свету из проектора, проходил по строчкам его сценария как по пленке, проецируя все на экран уже своего, – подвластного только ему – воображения.

Абсолютно все – вместе с ним самим – находилось под этим взглядом.

А он – призрачный персонаж, разбитый на буквы, из которых своеобразным построением слов оживляется образ. И все это в голове – галактике – кого-то с солнцеподобным взглядом. Взглядом, живительным для него, как лучи самого солнца для земных организмов.

Нежданное спасение – внезапный выход из лабиринта. Идентифицировав себя тем, что создано красками (хотя бы и черными) на белом, он вложил последние остатки своих мыслей/сил, чтобы рикошетом от этого белого угодить туда, где может существовать. Пусть на какой-то краткий неопределенный срок – но это хоть что-то... Это его последний возможный приют. А то, что он поселился в чьем-то воображении, до его нового носителя дошло только после последней буквы «а» в конце этого текста...

Ли́ра

Ваха ИСАЕВ

Родился 16 февраля 1960 года в селе Бамут Ачхой-Мартановского района ЧИАССР. В 1978 году окончил Бамутскую среднюю школу №1. В 1981-ом году поступил на строительный факультет (ПГС) Сибирского Metallургического института в г. Новокузнецк Кемеровской области. В 1987 году окончил институт, получив квалификацию инженера-строителя. Работал в разных регионах России, в разных отраслях, в том числе и в строительстве. Любит русскую классическую литературу, особенно творчество поэтов Серебряного века. Уже много лет пишет стихи философского, лирического содержания – посвященные природе отчего края, его истории, родным и близким. Публиковался в журнале «Вайнах».

И забрезжит сиянием лунность...

НОСТАЛЬГИЯ

Когда душу рвет горечь порою
И снедает с судьбиной разлад,
Я гитару, как прежде, настрою
На веселый лирический лад.

И костер разведу на опушке
Под покровом ночной красоты,
Прикоснувшись к гитаре-подружке,
Враз уйду от мирской суеты...

Тишина разорвется немая,
Струн желанных коснется рука,
Переливам аккордов внимая,
Разомлею под треск огонька.

Замерцают зарницею звезды,
Заскользят в синеве облака,
Уплыву в свои светлые грезы,
По быломu нахлынет тоска.

И поманит родная сторонка,
Мысли в юность меня повлекут,
Возвращая к священным истокам,
В уголок мой родимый – Бамут...

Заколотится сердце в истоме...
Окунусь я, по-прежнему, в рай...
Что в блаженном родительском доме,
Где струится добро через край!

Мать залечит душевные раны,
Запоет вдохновенно душа...
Позабуду печаль и страданья,
С упоеньем от счастья дыша...

Как бывало в той младости пылкой
Соберу своих лучших друзей...
Примет мать всех радушно, с улыбкой,
Пригласит в дом, как важных гостей...

Переменится мир потускневший,
В чудных красках опять запестрит,

Будто снимок от лет пожелтевший,
Отуманенный взор озарит...

И забрезжит сиянием лунность,
По цветущему саду пройдусь...
За свою, за счастливую юность
В благодарность Творцу помолюсь!

Надышусь ароматом сирени,
Пусть не долго цветет – не беда.
Соловья задушевные трели
Обласкают мне слух, как всегда.

Тут петух прокричит на насесте,
Светом алым прольется заря,
Улыбнется в приветливом жесте,
Дню грядущему негу даря!

Разгорится рассвет, словно чудо,
Одурманит восхода краса...
И хрустальной россыпью всюду,
На траве заискрится роса...

Над рекою с багрянцем сливаясь,
Дымкой рдяной исчезнет туман...
И, в прозрачном сиянье плескаясь,
Перед взором возникнет Марган.

Ивы, тихо, с щемящей отрадой,
Полоща в реке кудри бельем,
Под мелодию птичьей рулады,
Вновь заплачут о чем-то своем.

Ветер вешний кружась на приволье,
Пряный запах нагонит с полей.
Заколышется шелестом вольным
Серебристой листвой тополей.

За околицей – слева дубрава,
На пригорке открытом ветрам,
Утопая, стоит величаво
В фимиаме цветенья и трав...

Полюбуюсь цветистой стланью,
С васильковой поляной сольюсь,
Притаив в умиление дыханье,
К кроне дуба щекой прислонюсь.

В полудреме услышу, как вскоре,
Донесется мольбою сквозь сон,
Из земли, исстрадавшейся в горе,
Еле слышимый, сдавленный стон...

Нет, гитара, не пой о напасти...
И так лиха хватил я сполна...
Мне до боли знакомы те страсти,
Что накатит шальная волна...

Словно конь в торопливом аллюре,
Озираясь назад иногда,
В ледяющей и сумрачной буре,
Скорбной долей промчались года...

Засидевшись с друзьями немного,
Не вернусь я под утро домой...
Мать не встретит меня у порога,
Облегченно вздохнув, что живой.

И под сенью ласкающей тени,
На задворье – в грушевом саду,
Впредь не буду сидеть я в томленьи,
Предаваясь мечтам, как в бреду...

И полет грациозный – орлиный,
Не навеет на сердце печаль...

Улетающий клин журавлиный
Не поманит с собой меня вдаль...

Не дано нам, похоже, судьбою,
Как не рвись, ни моли, ни проси,
Обручиться с заветной звездой,
Лишь удары смиренно сноси...

Вот стою посреди я развалин,
Будто сбившийся путник с пути...
От гнетущих мне душу терзаний
И бессилья с ума б не сойти...

От села нет и камня на камне,
Все вокруг сорняком заросло...
Что любил беззаветно я крайне
Точно вихрем зловещим смело...

В утешенье не нужно ни слова,
Ни избитых банальных речей,
Что Бамут возродится и снова
Заживет, да еще веселей.

Будь он трижды подобен Парижу,
Хоть стократ благовидней Москвы...
Меня гложет – что я не увижу
В первозданном, в том виде, увы!

И следа нет от старой дубравы,
Больше нет и родного села:
Пал Бамут в бою рыцарем бравым,
И сирень под окном отцвела...

Вот костер мой уже догорает,
Реже слышится треск огонька...
И звезда за звездой угасает,
Небо тмят пеленой облака...

А гитара, пронзительным звоном,
Звук мажорный в себе затаив,
Источает с судьбой перезвоном
Заунывный, печальный мотив...

До предела натянута струны,
До надрыва зажаты колки...
Рок свирепый же против фортуны
Свои волчьи оскалил клыки.

НОЧНАЯ ЗАРИСОВКА

(в подражание Бальмонту)

Я стоял, то смыкая в мечтаниях вежды,
То взирая с восторгом на мерцающий свет!
И блистала луна, словно вестник надежды,
Словно вестник надежды на чудесный рассвет!

И всплывали тогда из забвения мрака,
Из забвения мрака – вдаль ушедшие дни.
То щемило тоской, то в томлении сладком,
То в томлении сердце трепетало в груди...

Чем я больше стоял, тем ясней ощущалась
В красоте поднебесной Всемогущего – длань!
И в мелодиях звуков земных воплощалась –
В переливах мотивов за привычную грань!

Млела в неге душа, ритму пенья внимая,
Ритму пенья внимая сладкогласных певиц...
Будто ангелы разом спустились из рая,
И спустились из рая в облачении птиц...

Я стоял, то смыкая в мечтаниях вежды,
То взирая с восторгом на ласкающий свет,
И блистала луна, словно вестник надежды,
Подавая надежды на счастливый рассвет!

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Люблю поры я ранней осень,
Царицу радужных картин,
Когда небес лазури просинь
Видна, и небо без рутин...

Когда нет сумрака ненастья,
Не гложет слякоти тоска,
И нежась в лености от счастья
Скользят по небу облака...

Ни мысли нет во мне, ни рвенья
Увидеть мир в иных тонах,
И нет желанья, вдохновенья
Искать в туманах и ветрах...

Люблю, когда в порывах нежных,
Зефира плещется волна,
И в бликах ночи безмятежных
Блится полная луна...

И сердца трепетному взору,
Мгновенья радости даря,
На смену лунному дозору
Приходит алая заря...

И, словно в красочном параде,
Румянцем лес вокруг залит...
Березы, в праздничном наряде,
Полны изящества харит...

Стоят тонов прелестных розы,
Красуясь в солнечных лучах,
В душе рождая стаей грезы
И блеск в восторженных очах!

**ОТРЫВОК ИЗ МОНОЛОГА
ПРОТЕСТАНТА**

Я не страшусь ни смерти, ни страданья,
Мне свойственна щемящая печаль...
Мне сладок яд моей судьбы лобзанья,
И мне чужда иной судьбы печать...

Душа моя сокрыта от вторженья,
В ней хрупкий мир не постижим толпе,
В ней есть протест и сила отреченья
От немощи потворствовать судьбе...

Пускай избрал я путь не самый верный,
И сам маршрут предвзято начертал,
Ведь я блаженству плоти эфемерной
Комфорт души стократ предпочитал...

А вас мне жаль, утроб своих холопы;
Поправ глаголов праведных укор,
То жилы рвете, словно кони – стропы,
То вскачь несетесь вы во весь опор...

Но если вдруг судить меня за нравы
Продолжите и впредь спустя года,
Я буду знать, что в корне вы не правы,
А вам скажу: «Увольте, господа!

Мне ни к чему ваш шепот «восхвалений»,
Я так далек от этих гнусных тем...
Пусть я умру, как может только гений –
Безвременно, не признанный никем».

Проза

Мовла ГАЙРАХАНОВ

Гайраханов Мовла родился 15 июня 1968 года в с. Верхний Наур Надтеречного района ЧИАССР. В 1985 году с золотой медалью окончил среднюю школу в с. Верхний Наур, в том же году поступил в Саратовский государственный технический университет.

Подполковник полиции в отставке. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России.

В 2010 года стал призером Международного конкурса журналистов им. А-Х. Кадырова «Золотое перо». В 2017 году стал финалистом Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы».

РАССКАЗЫ

МОЛИТВА МАТЕРИ

Бомбы и снаряды ложились кучно, рядом с селом. Стоял ужасающий грохот. Казалось, все темные силы зла поднялись из преисподней и завывли в один голос. Страх заставлял людей укрываться в подвалах, прятаться за укрытиями, вслушиваясь в ужасающую какофонию звуков. В любой миг все это могло закончиться одним попаданием снаряда, и это ожидание худшего делало невыносимым настоящее.

Земля ходила ходуном, стонала от боли, мучаясь от ран, наносимых безжалостным оружием.

Жить! Как сильно хотелось жить! Смерть она всегда там, где есть жизнь, но на войне жизнь и смерть становятся одним целым, грань между ними столь тонка, что жизнь живет ощущениями смерти. Смерть смотрит в тебе лицо, вот через миг она станет твоей, выдернет тебя из этой жизни и унесет в неизвестность и неизведанность. Люди даже не смогут искренне оплакать тебя, потому что их души плачут о своих собственных жизнях, в которых вцепилась смерть...

Прошлая мирная жизнь – как сказка. Оказывается, в ней не было больших проблем, просто мы сами не умели их реально оценивать, относиться к ним ровно настолько, насколько они того стоили. В мирной жизни смерть казалась чем-то далеким, она могла прийти, когда ты состаришься, когда жизнь потеряет свою остроту и яркость красок, и можно будет, насытившись ею, уйти в вечность.

Война показала, что старики тоже не жаждут расставаться со своими жизнями, они хотят жить также сильно, как и малые дети, инстинктивно ищущие защиты в материнских руках.

Под градом снарядов все люди одинаково бессильны. Каждый последующий взрыв может оказаться последним для любого человека, и малого, и старого. Всем одинаково страшно, ужас леденит души, каждый вой заставляет замирать сердца, каждый взрыв приносит облегчение: «Слава Всевышнему, что пронесло мимо»!

Война очень сильно обостряет чувства. Вот уже несколько часов установилась необычная тишина. Не такая, какая бывает в мирной жизни, совсем другая, таящая в себе неизведанность. Вроде бы ничего не изменилось, но вот соседка, набирающая воду из колодца, вдруг остановилась, отпустила колодезный журавль, зазвенела цепь, и ведро с водой полетело обратно в колодец.

Старушка на крыльце ойкнула и засеменила в сторону подвала, но не успела до него дойти, как воздух рассек ужасающий рев. Он продолжается неимоверно долго, бежать куда-либо бесполезно. Ты прижимаешься к земле и ждешь, не ведая того, чья смерть уселась на кончике летящего снаряда...

Старушке нужно пройти через ограду, и она своим грузным телом чуть ли не перескакивает через нее. В ее глазах виден ужас, она стремится нырнуть за бетонную стену подвала, чтобы укрыться там.

Твое тело колотит дрожь, ты никак не можешь привыкнуть к этой бомбежке. Снаряд еще не упал, но ты видишь перекошенное от страха лицо соседского мальчика. Мать, которая почувствовала опасность у колодца, бежит, прижимая его к себе. Видно, что мальчик плачет, но рев снарядов перекрывает все остальные звуки. Земля содрогается и уходит из-под тебя, но сейчас она ближе, чем родная мать. Ты не знаешь, где мама, и что с ней случилось. В голове мелькает мысль о Судном дне, когда младенцы поседеют, и родители покинут детей своих, и дети покинут своих родителей, и брат забудет брата своего...

Чем этот день лучше дня Судного? Летящий огонь сокрушает все на своем пути, и ты можешь быть только жертвой, потому что этот огненный вал летит за твоею жизнью и за жизнями тех, кто рядом с тобой. Земля вновь и вновь стонет и содрогается от боли. Она вбирает в себя всю мощь раскаленного металла. Ты обнимаешь своим телом землю и чувствуешь эту боль, которую твоя земля отвела от тебя. Кажется, сердце готово выскочить из груди.

Ведь никто и никогда не говорил тебе, что придется пройти через такое испытание войной. Никто не научил быть готовым к тому, что тебя и твоих родных будут убивать, убивать ни за что, убивать только потому, что на войне принято убивать...

Ты еще не знаешь, что случилось, но что-то подсказывает, что в этом обстреле были жертвы. Вновь установилась тишина, обманчивая и коварная. Ты лежишь там, где тебя застала бомбежка. Пожелтевшие ореховые листья послужили тебе постелью, ты вглядываешься в них, и понимаешь, что в мирной жизни не замечал их красоты. Может быть, в твоей жизни уже не будет другой осени, и ты в полной мере наслаждаешься красотой опавших листьев.

Мать выходит из подвала и ищет меня. Я прошу вернуться ее назад в укрытие. Она никак на это не соглашается, и приходится бежать к ней, с сожалением покидая место, которое сохранило и уберегло.

Мои глаза не успели еще привыкнуть к темени подвала, как вновь начался обстрел. Теперь он будет недолг, нужно потерпеть, казалось бы, каких-то пятнадцать минут, но именно эти минуты

могут оказаться последними в твоей жизни. Это такая тактика, когда прекращается обстрел, люди инстинктивно покидают места своих укрытий, чтобы вновь попасть под убийственный огонь...

Слухи в обычной жизни отличаются от слухов военного времени. Вроде бы со двора никто не выходил и никто не входил, но в подвале шепотом идет разговор, что на соседней улице убило мальчишку пятнадцати лет. Мать привезла своего единственного сына из города, спасая от войны, и здесь его настигла смерть, от которой он бежал. Говорят, мальчишка просил его оставить дома – где бы он ни был, ему суждено умереть. Видно чувствовал, бедняжка, свою скорую кончину. Эта весть действует на всех удручающе. В глубине души тлела надежда, что это безумие скоро закончится, что военные нас только пугают, хотя непонятно, зачем им это нужно.

В чеченском обществе принято три дня принимать соболезнования по усопшему, но для нас практически невозможно сходить на другую улицу, это сопряжено с огромным риском, да и не хочется оставлять родных, не ведая о том, что может случиться даже через минуту. Каждый из нас на своем месте молится за себя и за тех, кто уже никогда не сможет помолиться.

В этот день мы расстаемся со своими иллюзиями, обстрелы начинают уносить жизни людей. Ночью в подвале воцаряется полный ужас. Теперь и самые малые дети чувствуют, что не укроются от опасности, даже в материнских руках. Все истово молятся, но каждый про себя, потому что самая громкая молитва не способна перекрыть грохот пролетающих над нами снарядов. До утра ужасный рев не прекращается ни на минуту. Напряжение последних дней отключает организм от действительности. Это даже не сон, это нечто другое, когда твоя душа уносится из этого мира. Утром старушка-соседка с глубокой завистью говорит: «Какой ты счастливчик, если способен спать таким умиротворенным сном, когда весь подвал ходит ходуном».

Я благодарю Всевышнего за то, что он дал мне возможность набраться и сил и внутренне подготовиться к опасностям нового дня, может быть, последнего дня в моей жизни...

Война – это другая действительность, другая жизнь. Вроде бы всю жизнь прожил рядом со своими соседями, но, оказывается, совсем не знал их, не знал самого себя. Мы все лишены многого, но при этом все очень сдержаны. Куда-то исчезли тщеславие, самолюбие, всех объединяет желание выжить, и людей интуитивно тянет друг к другу. Страх заставляет всех собираться вместе. Пройдет еще немало времени, пока каждый из нас уйдет в свой дом. Теперь наши дома стоят пустые, сиротельные, и все их хозяева спокойно умещаются в подвале отцовского дома. Дом, в котором я вырос, мне кажется чужим и неудобным. Он не способен меня укрыть от опасности, он сам беззащитен и брошен. Холодные комнаты живут своей жизнью, в которой нет места для меня. Еще никогда я не ощущал себя столь чужим в своем родном доме, как во время войны.

Мне всегда казалось, что мой дом – моя крепость. Война показала мне, что в этом мире моя крепость – это моя молитва, которая помогала не сойти с ума, пережить то, что сложно пережить нормальному человеку, и при этом оставаться нормальным человеком.

Войну легко начать, но трудно закончить. Она продолжается даже тогда, когда пушки перестают стрелять. Она живет в душах тех, кто подвергся ее воздействию, она никогда не заканчивается для матерей, похоронивших своих детей, она продолжается всю жизнь для тех, у кого она отняла родных и близких людей...

Испытание войной многие не пережили. Сельское кладбище за несколько лет разрослось вдвое. Конечно, не все погибли под обстрелами и бомбежками, просто война отобрала у них силы для жизни.

Белый снег лег на могильные холмы. Зимняя вьюга кружит снежинки в печальном танце. Я стою над могилой матери и читаю молитву, как тогда, под жутким обстрелом. Я знаю, что не будет больше в этом мире для меня столь искренней молитвы, сравнимой с той, которую за меня возносила моя мама.

ПЕРЕД ПОРОГОМ ВЕЧНОСТИ

Сентябрьское солнце ласково грело землю. Обожженная летним зноем желтая трава уступала место молодой зеленой поросли, которая свежими узорами приукрашивала земляной покров. В такую пору нашему взору предстают уходящая и новая жизнь. Точно также и мы уйдем, уступая место новой жизни, с грустью вспоминая ушедшую юность и былую свою привлекательность.

Осень почему-то насыщена печалью, мы и сами не осознаем, почему тоскливо на душе, отчего плачет душа. Может быть, она чувствует боль умирающих трав, уныние опадающей листвы, холодные слезы проливных дождей?

Сложно найти ответ, вероятно, осень демонстрирует нам бренность этого мира, скоротечность нашей жизни и приближение того дня, который оборвет наше пребывание на этом свете.

Как бы то ни было, очарование осени в том, что в самом круговороте жизни, ее суете, призрачных мечтах и надеждах, она демонстрирует нам конечный итог всех наших поисков и планов. Осень, как и сама жизнь, быстротечна. Очень скоро зимний холод накроет землю ледяным панцирем, голые ветви деревьев будут сиротливо раскачиваться под напором холодных ветров, а опавшая листва станет частью земли, не оставив даже своего следа пребывания здесь. Как схожи наши судьбы!

В юности я очень радовался весне, у нас с ней было много общего. Душа тянулась к знаниям, постижению мира, впереди были непознанные дали, множество непройденных дорог, бурлила неудовлетворенная страсть открытий, и была уверенность в собственной непогрешимости и возможностях. Как остро ощущались запахи весны, как пьянили ароматы акации и сирени! А ведь вся эта красота создана Всевышним ради утешения наших душ.

Сейчас моя душа более гармонична с осенью. Мы с ней знаем, что было, наслаждаемся каждым миготом в преддверии холодного безмолвия. Познание жизни было далеко не безболезненным, подводя ее первые итоги, осознаешь, что есть чего стыдиться, есть о чем сожалеть и есть, кого оплакивать. Однако это моя жизнь, другой такой уже не будет никогда и ни у кого, в этом и есть одно из проявлений величия Всемогущего Творца. Странствовать в прошлом способна только мысль, каждая секунда закрывает для нас двери в былое. Нам не дано переделывать сделанное, мы можем только каяться или исправлять ошибки посредством других дел. Осень демонстрирует, как мало осталось времени, как много не пройдено дорог.

Однако было бы неправильно рассуждать о том, что осень является только вестником конца, это еще и пора сбора урожая. Плоды наших трудов помогут нам пережить зиму, плоды наших добрых дел спасут наши души там, где не будет другого спасения.

Жизнь научила соразмерности. Бренный мир манит, однако есть еще неизведанная вечность, и она будет для нас именно такой, какую мы заслужили.

Прожить эту жизнь достойно весьма сложно, слишком много соблазнов, слишком много жестокости и бесполезной борьбы. Современный человек не имеет возможностей плыть по течению

жизни, доброта воспринимается как проявление слабости, терпеливость сродни трусости, умение прощать – признак несостоятельности вершить свое возмездие! И только скупость воспринимается как рачительность умелого хозяина.

Прожив почти полвека жизни, душа стремится к золотой середине, сердце уже перестало остро и болезненно воспринимать чужую боль, слишком много ее в этом мире, и где же найти сосуд, способный ее вместить. Люди больше жаждут управлять болью, стремятся властвовать и распоряжаться чужими судьбами. Как опасна эта стезя для вечного будущего души, как много пропастей и ловушек на этом пути! Увы, многие уже потеряли чувство страха перед неизведанным, вечность закрыта тяжелой завесой, непробиваемой для окаменевших сердец.

Мусульманская мудрость гласит, что победы сильных достигаются благодаря молитвам слабых! Есть в этом изречении нечто такое, что требует от сильных мира сего действий, направленных на защиту интересов бедных и слабых. И только это защита приводит к искренней молитве сирых и убогих, между которой и Всевышним Творцом нет никаких преград.

Почти вся жизнь прожита. Что же ждет нас за ее порогом? Каков откуп души, отягощенной грехами? Как ее отмолить? Чем выкупить?

Нет у нас ответов на эти тяжелые вопросы. А ведь каждый год эти вопросы перед нами ставит осень. И рождается мольба о разуме, способном их разглядеть, душе, способной встревожиться и очиститься.

Жизнь прошла, и мы познали истину. Мы не смогли сделать этот мир справедливым, он намного сильнее нас и функционирует по своим законам, но и он не в состоянии отобрать у человека выбор в пользу справедливости.

За порогом этой жизни нам уже не будет важна реальность бренного мира, душа обретет покой в вечности. Какой же она будет для нас за порогом вечности?

Ли́ра

Адам ИДРИСОВ

***

Я грозный ветер воспевал,
Гордился гордостью Кавказа.
Я никогда не унывал,
Не знал ни в чем себе отказа.

Я восторгался б красотой –
Горянкой что в народе звалась.
Всю жизнь искал я встречи с той,
Что никому не доставалась.

И не вела бы мир ко дну,
В хиджабе видя только моду –
Я выбрал бы ее одну,
Что ангелом была бы с роду.

***

Я жил и побеждал все силы зла,
Я верил в Гений свой, любил рассветы,
И знал – друзей мне предавать нельзя,
Дары природы не срывал во цвете.

Я звезды на дорогах сеял...

Согласно эхо вторило во мгле;
Я против ветра шел и рвал туманы,
И бушевала истина во мне,
Врагу бросал к ногам я мир обманной.

Не доверял себя я миражам,
Чудес не ожидал, не льнул ко злату.
Всего добиться должен был я сам,
Отцом я братьям был и братом – брату.

***

Над пропастью я время обнаружил,
Но, Господи! Тебе не изменял.
С оружием не шел на безоружных,
И только гласу Твоему внимал.

Друзей я бесам не давал в обиду,
И так их у меня, – по пальцам счесть.
Меня разбойником считали с виду –
Не ведавшие, что такое честь.

***

Я рыцарь, изгнанный из мира,
Всех напугавший злой чечен.
Я средь кумиров был кумиром.
Нельзя купить меня ничем.

Хватал я время жадным глазом.
Я миру был всегда открыт.
Я щедрым был – и был наказан.
В беде один я и забыть.

Но, искупив грехов туманы,
Приняв превратности небес,
Терял отца, лелеял маму...
И не был страшен не мне сам бес.

***

Я звезды на дорогах сеял,
Огнем своим их зажигал.
Я лишь одну мечту лелеял –
Но в ней тебя не угадал.

И той, кем был навеки болен,
Я высек имя на груди.
Я счастлив был и был доволен
На самом праведном пути.

***

Я клял судьбу и не был жизни рад,
Все делал наобум и наугад.
Не доверял себя я будням дней,
Мне ночь кромешная была родней.

Я не был добрым – грозен был и груб,
Мне другом не остался лучший друг.
Я время жадными руками рвал
И никому тебя не уступал.

Что ж, чашу горести испил до дна,
И верной мне осталась ты одна.
Но я, увы, того не оценил –
И сердце свое вдребезги разбил.

Проза

Агунда ГОБОЗОВА
Северная Осетия-Алания

СЫН ОХОТНИКА

Рассказ

*Вымышленная история
из жизни выдуманного народа*

1

Ночная тьма уступает место дневному свету. Под солнцем лесистые горы кажутся покрытыми будто мхом, а на их пиках слепяще сверкают ледники. По тёмно-зелёному же ковру склонов всё ниже скользят лучи солнца, а с ковра в небо поднимается летучий пар.

Вершина горы – орлиное убежище. Чуть свет он выплывает из гнезда, расправляет могучие крылья и летит. Он будет парить над всем ущельем до тех пор, пока не найдёт себе жертву.

В глубине ущелья мирной змейкой извивается река Рагва. В её богатых водах водится форель, которую очень любят местные медведи. Вот и сейчас один из них стоит на трёх лапах и четвертой пытается заглушить рыбёшку, но сегодня не его день. Коричневый ком шерсти недовольно проворчал, последний раз понюхал воду и ушел вниз по течению.

Медленно покачивая кривыми бедрами и изредка дёргая маленьким хвостиком, медведь доходит до мелководья. Здесь он переходит реку и, не спеша, задевая кусты и шурша опавшими листьями, скрывается в лесу. Поднимаясь по знакомым с рождения тропам, он, время от времени останавливаясь, задирает голову и слушает маленькими ушками звуки гор. Лес говорит с ним.

Медведь закрыл глаза и, пробурчав в привычной для себя манере, опустил голову, чтобы понюхать листву. Высоко в небе раздался орлиный клёкот. Ленивый шерстяной ком тут же превратился в настороженного зверя. Зрачки его узких глаз расширились, он напрягся и застыл. В кустах что-то

блеснуло, и медведь крадучись направился к ним.

Там мужчина с чёрной бородой дал знак ребенку, чтобы тот не двигался. Мальчик зажмурил глаза и глубоко вдохнул.

– Нельзя лишать себя возможности напасть первым. Это медведь, а не олень. Он вступит с тобой в схватку, и ты отправишься на встречу с предками, – говорил отец сыну, широко шагая по листве. Ветки под его ногами мелодично хрустели в такт его голосу.

– Но я бы убил его, если бы ты не указывал мне! – самонадеянно заявил юный охотник, потрясая в воздухе сжатым кулаком.

– Медведь уже убил тебя, как только он услышал клёкот орла, – с насмешкой произнёс отец.

– Орла?! – удивлённо воскликнул малец, его голубые глаза наполнились удивлением, а густые русые брови высоко приподнялись, как крылья орлёнка.

– Да, сынок. Охотник должен быть всегда настороже. Лес, – мужчина указал пальцем вверх, родинка на указательном пальце появилась на секунду, затем спряталась меж других пальцев, – ты должен слушать его, лес.

2

Петухи наперебой вещали о начале нового дня. Первыми в ауле встали женщины. Коровы в стойлах ждали своих хозяек, пока те не подоят их. После и их выгоняли со двора, там уже поджидал пастух. Он погонит стадо на пастбище и вечером, на заре, вернёт в аул.

Домашние очаги с ночи ждали своих хранильниц. В угольки, схороненные под золой, хо-

зайки аккуратно клали сухие щепки, а разгорится огонь – можно будет класть и поленья. Очаг был расположен в центре гостевой комнаты, оттуда дым вьется к ердо¹, вырывается вверх к радостно синеющему небу. Огонь запылал, и женщины брались за тесто, замешивали его с молитвой. В это время дети собирали яйца в курятниках, а кто-то пас ягнят.

Затем вставали мужчины. Завтракая, они поминали имя Всевышнего, прося Его благословить их день. Наколов дрова, кто-то уходил на охоту, кто-то на рыбалку. Словом, жизнь кипела в этом маленьком ауле.

Старики, тоже позавтракав, отправлялись на нихас². В центре аула стоял большой плоский круглый камень, вокруг него были расставлены камни и пни для сиденья. Ближе к центру восседали старейшины, мужчины младше рассаживались по старшинству от центра. Женщинам там, как правило, делать было нечего. Они приходили послушать только важные объявления.

Сегодня будний день, и кроме глубоких старцев здесь никого нет. Солнечные лучи мягко пригревали их обнаженные головы. Они поворачивали к нему свои светлые морщинистые лица. Мимо прошёл внук Озрана, приподняв шапку, он поклонился.

– Как вымахал твой внук! – сказал один из стариков другому.

– Да, ещё вчера он стрелял из детского лука, а сейчас один из лучших охотников. Скажи, Озран, не много ли времени он проводит в лесу?

По морщинистому лицу старика проползла улыбка и затерялась в зарослях его седой бороды. Его светлое, открытое и чистое лицо внимало солнцу. Погладив свою бороду, он сказал:

– Это ты мне скажи, не много ли времени нынче мальчишки проводят с мамами?

Озран направил взгляд туда, где в тенечке дети стреляли из лука по стволу дерева. Солнечные лучи пробивались сквозь листву и

скользили по их вихрастым головам, и Озран вспомнил, как совсем недавно его младший внук влез в игру старших.

Он наблюдал за ними и радовался, что по его лицу и не было заметно, но смотрел он с явной заинтересованностью. Конечно, радовался: один из ребятишек же его внук! А как метко он стреляет, а ему всего-то восемь лет.

– Брат мой, куда смотришь? Что там? – вновь спросил тот же старик и тоже устремил свой взор в том же направлении. – Да... Когда-то и мы так играли. Помнишь, Озран, как Исса разломал твой лук, когда ты его обыграл? – и немного привстав, все старики незлобно рассмеялись.

Прошлое окутало его лёгкой конопляной дымкой, и он удовлетворённо поглаживал седую бороду. Но что-то вырвало его из воспоминаний.

– И зачем только их учат этому... – задумчиво произнёс другой старик – Асифы давно не кочевники, давно не воины, – он покачал головой и опустил взгляд.

– Ты прав, – согласился Озран, – да простят нас духи войны и охоты, Меджет. После того, как наши племена распались, мы образовали новое племя и ушли в горы. И научились жить по-новому: начали ловить рыбу, охотиться на животных, собирать щедрые дары леса, соорудили мельницы и стараемся следовать новому укладу. Но не забыли, что мужчина, не способный защитить себя, не защитит ни свою женщину, ни свою семью, ни свой народ. А что, как не военное образование, делает мужчину мужчиной? – Озран вопрошающе посмотрел на собеседника. Подумав о его словах, многие согласно закивали, и он продолжил: – Наши «прятки» для юношей – хорошее испытание на прочность. Только в честном и равном бою они могут доказать готовность стать мужчинами, готовность защищать семью и оберегать свой

народ.

Озран говорил спокойно. Откинувшись на высокую спинку своего стула, который в этом кругу был единственный, он пристально наблюдал за Меджетом. Тот не поднимал головы, а руки прятал меж колен и согнулся так, словно ему намного больше своих преклонных лет. Хмурые брови прятали его чёрные глаза. Озран выложил притчу:

– Один малец вечно много хмурился, а когда его ругали, смотрел исподлобья на старшего. Однажды его мать, снова заметив его хмурое лицо, подошла к нему, присела рядом и спросила:

– Какие люди, по-твоему, самые добрые?

Мальчик заболтал ногами, затем хмуро произнёс:

– Те, кто делятся едой?

Мать отрицательно покачала головой:

– Нет – те, кто смотрит тебе прямо в глаза.

Поняв, в чей огород летят камни, старики в голос рассмеялись, а Меджет изменился в лице, потом виноватым голосом начал:

– Люди считают, что наши прятки непрактичны, юноши проходят испытание, иногда по пять, иногда и по десять человек, а победитель один. Да и возможностей у проигравших не много, только три раза они имеют право проходить это испытание, – Меджет внимательно посмотрел на Озрана.

– Что ты будешь делать, когда твой внук проиграет, и не один раз? Ведь шанс на победу только один – или ты, или тебя...

Озран перевёл взгляд туда, где играли дети, и на него нахлынуло другое воспоминание.

***

Невестка с утра приготовила хлеб в дорогу мужу и продолжала хлопотать по дому. Озран сидел в дедовском кресле и вырезал зверушек из дерева. Рядом сидел Азиз и, смотря на ловкие

движения рук старика, пытался делать то же самое. Пепельно-русые кудри свисали на лоб, он высовывал язык от напряжения, и старательно вырезал своего оленя. Тут из внутренней комнаты вышли отец и старший брат Азиза, которому отец давал поручения по дому, чтобы матери было меньше хлопот. Азиз поднял голову на дедушку, а затем обернулся на отца и подскочил.

– Отец, возьми и меня на охоту, – пятилетний Азиз решительно встал перед Кхалифом. Тот даже не удостоил его взглядом.

– Кхалиф, сын Озрана и мой отец, возьми меня на охоту!

Озран смотрел на эту сцену с интересом, ведь такого ребёнка на охоту не берут. Но Кхалиф, поймав взгляд отца, смягчился. Присев на корточки, он спросил сына:

– Чем же ты мне будешь полезен?

– Все, что прикажешь сделать – сделаю!

– Хорошо, а где же твой нож?

Азиз опешил на секунду, но вдруг побежал в комнату отца. Мужчины смотрели ему вслед, оба гадали, что же мог придумать этот сорванец и с нетерпением ждали его возвращения. Вскоре, он уже нёсся к отцу, спешно привязывая к поясу ножны кинжала.

«Нет. Мой внук не может проиграть».

3

Перед Азизом стоит сложная задача – избежать позора, иначе он отправится в стойло. Для сына потомственных охотников это страшный позор. Таких юношей считали хуже женщины, ибо они не достойны готовить священный хлеб. Все обязанности были разделены на мужские и женские. Каждый занимался тем, что ему предписано. И так, сегодня последний шанс для Азиза доказать, что он и есть мужчина.

Все готовились к этому событию. Мужчины водили своих мальчишек в лес, показывали им тайные тропы, о которых знали только они. Вот и Меджет идёт со своим сыном Алибом через

верхнюю часть села прямо в лес. Поднимаясь по склону, ступая на мокрую от росы зелёную траву, Алиб думал о грядущем: «Внук Озрана очень силён. Кхалиф наш главный охотник. Смотря правде в глаза, я вижу, что отец не научит меня ничему такому. А Азиз? Он ходит с отцом на охоту чуть ли не с пеленок. Да, но он проиграл так же, как и ты. Возможно, для этого были причины, не думаю, что этот волк не справился бы с кем-то...» – плечи его опустились, чёрные, как уголь, глаза смотрели под ноги.

Сменился грунт, он стал каменистый, застланный старой листвой. Она еле слышно шуршала под ногами путников. Из глубин леса изредка доносилось пение птиц. Насыщенный запах щекотал ноздри и усыплял. Мокрая листва, сосны, откуда-то тонким шлейфом слышались ягоды и цветы. Хочется дышать, глубоко дышать.

– Почему без коней?

– Тебе вроде уже есть полных тринадцать лет, но голова работает только на пять, – рявкнул Меджет и нахмурил брови. – Эх, Алиб... Даже малые дети знают, что коней не берут на охоту, чтобы не переполошить живность. Кхалиф говорил: «Конь – это тоже животное, а как ты уже знаешь, Азиз, животное защищает другое животное». Азиз это знает, и ты знай.

Алиб сжал челюсти. Адат не позволял ему огрызаться, но как надоели Алибу эти сравнения с Азизом: «Азиз знает это с пелёнок. Азиз умеет это с пелёнок. Азизу подарили лук, потому что он уже стреляет наравне со старшими. Азиз это, Азиз то. Весь аул носится с ним как с писаной торбой, а он? Делает вид, что это для него ничего не значит. Стараются дружить с нами. Да и как будто снисходит до нас, а он-то проиграл, ваш Азиз», – Алиб пнул камень, тот укатился с тропы вниз, на дно ущелья. Меджет обернулся на сына и зло взглянул на него.

В это время за ними наблюдал Дух леса. Он сидел на ветви сосны и жевал смолу. Губы оттенка алого заката медленно вращались на

его бледном лице. На лбу покоились русые брови подобно двум гадюкам, греющимся на белых камнях. Яркие и радужные глаза словно улыбались. Его длинные, пепельного оттенка косы, свисали до самой земли. Босыми ногами он болтал в воздухе, а подол его серого платья ходил ходуном.

– Знаю я Азиза, – начал он размышлять про себя, при этом продолжая старательно жевать смолу, – он не оставил ни одного неизведанного места, вычислил даже моё Озеро Слёз. Конечно, свалился в него случайно, – Дух проговорил это дятлу, севшему на его колено. – А помнишь, как он подстрелил первого зайца? – птица смотрела на него понимающе, закивала клювом и повела крыльями. – Да, да. Малютка, было, заплакал, но отец вовремя всё ему объяснил. Мне не жаль, что они кормятся в моём лесу, но другое дело убивать ради забавы, – он посмотрел в сторону удаляющихся фигур. – Этот Меджет не чист душой и сын такой же, – встал на ветвь и, будто побежав по воздуху, удалился вглубь леса.

Добравшись до опушки, он опустился на зелёный ковер и прислушался к земле. Его острые ушки поворачивались то вправо, то влево, пока он не услышал то, что ждал. Поднявшись на ноги, он перешёл ручей и остановился в десяти шагах от Азиза. Тот залазил то на одно дерево, то на другое, делал это довольно бесшумно, даже приземлялся беззвучно. Дух наблюдал за тем, как мальчик готовился к испытанию. Погрузившись в воспоминания, он вспомнил их первую встречу.

***

Азиз тяжело дышал, но шёл за отцом без лишнего нытья, потому что он сам напросился на охоту. Боялся, что если не сможет успевать за ним, то в следующий раз на охоту его не возьмут. Отец же, идя впереди, удивлялся тому, как он не сдаётся. Они зашли достаточно глубоко в лес, да и ребёнка стало жалко.

– Здесь водятся зайцы. Сегодня охотимся на них. – Кхалиф присел на камень и достал из колчана одну стрелу и положил лук на колени. – Смотри внимательно.

Мальчик потянулся к отцу. Его голубые глаза восторженно распахнулись. Чинарная стрела была красива. Полый трёхгранный наконечник отблескивал под редкими лучами солнечного света, с двух сторон на нём были отверстия. Другой конец был бежевого цвета и расходился в две стороны, как иголки ели. Азиз вопросительно указал на отверстия.

– Наши предки применяли такие стрелы в бою, – объясняет Кхалиф, натягивая тетиву, – слушай.

Мужчина пустил стрелу вверх, она с громким, раздражающим свистом влетела в небо. Азиз закрыл глаза, по его щекам пробежал холодок, и стало не по себе. Отец улыбнулся.

– Теперь представь, какой звук разносится на поле битвы, где не одна и не десять таких стрел летят на противника.

Следующая стрела была четырёхгранная. Мальчик потянул руки к луку, но Кхалиф его остановил.

– Ты знаешь, как изготавливают лук наш сосед?

– Как?

– Это очень долгая работа. Смотри туда, – отец показал за спину мальчика, на смешанный лес. Азиз повернул голову и увидел белое дерево с чёрными вкраплениями, его ветви вертикально тянулись вверх, а малые свисали тоненькими верёвками, и с ними играл ветер.

– Когда мама сушит мелкую рыбу, она так же их развешивает, – заворожено произнёс Азиз.

– Из него делают основу для лука, это кизил. Сначала нужно его скрутить по этой форме, затем вымачивать в холодной воде, – мальчик слушал и слушал, ему казалось невероятным создание лука, он вспомнил, как уже неделю старательно из чурбана вырезал зайца, а их сосед

тратит на один лук от года до трёх лет. Его русые кудри трепал ветер. Лес притих, словно тоже слушал рассказ Кхалифа. Где-то еле слышно журчал ручей, шелестела листва, и ветер разносил запах сосновой смолы и опавших листьев.

– А как из него стрелять? – не терпелось уже Азизу взять оружие в руки.

Кхалиф улыбнулся, но тут же изменил выражение лица, его густые черные брови сурово сдвинулись, скулы напряглись. На его загорелом лице обозначились мелкие морщины. Он встал на колени за сыном. Вложил ему в руки лук. Вставил стрелу и натянул тетиву. Ладонки Азиза волею-неволею подчинились большим ладоням охотника и легли на нужные места.

– Дыши медленно. Вдох. Выдох, – отец качнул руки вправо, – держи его крепче. Ты должен быть единым целым с луком.

Животик Азиза медленно втягивался и надувался. Он смотрел куда-то вдаль между деревьями и травой. Кхалиф медленно отпустил руки и отодвинулся от сына. Тот немного задрожал, но быстро собрался, напрягся всем телом и попытался удержать туго натянутую тетиву. Дух леса легонько ущипнул зайца, и тот подскочил. Азиз выпустил стрелу, она царапнула его мягкую щёку, пролетев метров десять, глухо во что-то воткнулась.

– Отец, что это было? – испуганные глаза мальчика забегали от отца к месту, откуда он услышал звук.

Кхалиф пошел вперёд. Зайца прибило к комлю дерева. Мужчина поднял зайца за уши и показал сыну. На глаза Азиза накатились слёзы и начали ручейками стекать по его щекам.

– Ну же, Азиз. Ты добыл ужин для своей семьи. Вытри слёзы, – тыльной стороной руки отец вытер его щёку, – представь, как мать и сестра обрадуются зайчатине. А дедушка? Дедушка будет горд своим внуком. Ты стрелял первый раз, а сразу же попал в зайца, – Кхалиф успокаивал сына, но у того слёзы всё также стекали по

щекам. – Пойдём, на сегодня хватит.

4

Азиз силён физически ещё с детства. Характер у него, как у матери – упёртый, своенравный, но легко подчиняемый. С братом они полные противоположности. Один любит движение, другой покой, один любит поработать, другой поесть, когда один говорит «чёрное», другой возражает «белое».

Ему было восемь лет, когда он пошёл посмотреть, как старшие ребята стреляют из лука. Он хотел поиграть с ними, а брат даже смотреть на старших опасался, не то чтобы играть. В то время Азиз уже собрал вокруг себя трёх друзей.

– Эта четвёрка вечно неразлучна, – их приближение заметили старшие.

– Разве они идут к нам?

– Похоже на то. Решатся стрелять из лука? – рассмеялся тощий, другие подхватили.

– Да, будем стрелять, – заявил Азиз, его товарищи стояли чуть позади.

Мальчишку пренебрежительно оглядели с ног до головы.

– Где твой лук, а, стрелок? – вопрос был полон ехидства.

– Алиб, лук! – скомандовал Азиз, и Алиб немедленно протянул ему лук и три стрелы.

– Три мало, дай ему пять-шесть, чтобы наверняка, – мальчишки снова засмеялись.

Алиб дёрнул Азиза, стыдно, мол, что делаешь.

– Алиб, мне хватит и одной, – сказал мальчуган и взял из рук Алиба только одну стрелу.

– Ну, что ж, стреляй. Не попадёшь – мы изваляем тебя в грязи, – ухмыльнулся тощий и показал рукой Азизу куда ему встать.

– Хорошо, но если я попаду в самый центр, то ты сам изваляешься вон в той куче навоза, – серьёзно ответил ему малец, протянул руку в знак уговора.

– Щенок, ты же знаешь, что мужское слово стоит крови? – улыбнулся мальчик и небрежно

пожал руку Азиза.

Неподалёку восседали старейшины, они не слышали их разговор, но внимательно следили за тем, что происходит. Азиз встал на отмеченное линией из белых камешков место и выставил левую ногу вперёд. Натянул изо всех сил тетиву и прицелился. Выровнял дыхание и, как учил отец, отпустил стрелу на выдохе.

– Не может быть! – завопил тощий.

– Щенок, ты же знаешь, чего стоит мужское слово? – дразнящее произнёс Азиз.

– Ах ты жалкий! – мальчик с криком выхватил лук из рук Азиза и переломил об колено.

Старики вскочили не по годам резво и приблизились к мальчишкам. Никто не вмешивался.

– Ты сказал, что мужское слово словно клятва. Никто не просил тебя говорить таких громких слов. Выходит, или мужское слово рушимо, или ты не мужчина? – Азиз, стоял, колесиком выпятив грудь.

Мальчик оглянулся: старики уже были совсем близко и всё прекрасно слышали. Деваться было некуда...

Озран, конечно же, проучил внука, но это вовсе не значило, что мальчик больше не будет проверять свою силу на других. Сколько раз дедушка порол за это Азиза, никто не сосчитал бы...

5

Уставший Азиз шёл по лесу. Во время занятий или охоты его не отвлекали мысли о предстоящей игре, но стоило ему перевести дух, как в голову начинали лезть разные мысли. Начиная о друзьях, которые перестали с ним общаться, заканчивая рассказами – наказаниями деда Озрана о добродетели воина и о помощи слабым. Вот и сейчас он идёт не спеша, размышляя о том, как уже неделю Мариль воротит от него нос. Всё началось с того, что старейшина посоветовал мальчишкам обратиться за помощью к Азизу, который среди них считался сильнейшим.

– Как будто у нас нет своих отцов! – сказал

Сабо.

– Не знаю, как твой, но отец Азиза лучший охотник, и было бы хорошо, если бы он показал нам тайные тропы или научил чему-то полезному, – произнёс Алиб, садясь на камень. – Правда, уже надоело, что все носятся с этой семейкой.

– Это от того, что дедушка Озран старейшина аула, – Мариль поднял указательный палец вверх и передразнил Озрана.

– Высокомерный дед. Для него все хорошие и мёдом намазанные. Слово не скажи, а у него уже готова притча. Отца моего с недорослем сравнил. – с горечью напряг челюсть Алиб.

– Ты, конечно, что хочешь, думай, но Озран бывает прав.

– Да, понятно. Только вот что он из Азиза сделал? Был мальчик нормальный, играли вместе. Выросли вместе, а теперь? Стал таким же, как дед: на всех смотрит свысока. Думает, что мы беспомощные, ничего дельного не можем. Да и дома только и слышно: Азиз то, Азиз это!

– Тут ты прав, надоело уже. Каждый вечер начинается с того, что мать хвастается Азизом, как он ей помог, как помог из соседей ещё кому-то. Отец на меня зубы скалит, мол, где бываешь, что матери не помогаешь? А я что? – озадаченно произнёс Сабо и упёрся взглядом в землю.

Мариль всё это время слушал их, перебирая камешки перед собой. Его тоже донимали те же разговоры дома, но он помнит дружбу с Азизом. Разве дружба пустой звук? В сердце его что-то сжималось, не хотелось ему говорить гадости, но и не хотелось защищать.

– А ты чего молчишь? Думаешь, когда ты проиграешь и пойдешь чистить конюшни, Азиз тебе поможет? – толкнул его Алиб в плечо. – Жди! Как же! Он первый придёт взглянуть на тебя, позорника, ещё и примется указывать, как и что лучше делать.

Мариль упорно хранил молчание.

Азиз не знал, что такого произошло, сердце его мучилось от неведения. Домой он явился

хмурый, нехотя сел за стол. После ужина Кхалиф позвал его на улицу.

– Когда я проходил это испытание, я тоже очень волновался. Я научил тебя всему, что сам знаю, и ты мне уже ровня, но хочу тебе напомнить, – Кхалиф всматривался в лицо мальчика, – полдела – найти добычу, полдела – донести её. Ты добрый и наивный, поэтому твою победу захотят отобрать, и я не хочу, чтобы ты поддался кому-либо.

Отец покровительственно похлопал сына по плечу и зашёл в дом. Азиз остался стоять во дворе. Звёздный купол к тому времени накрыл горную долину, сверчки наперебой затрещали свои песни, в лесу просыпались хищники. Рагва бурно неслась с вершины.

6

Когда Азиз проиграл первый раз, многих всполошила эта новость, потому что своё охотничье воспитание он получал от лучшего охотника Асифов – Кхалифа. Тем не менее семья поддержала его и готовила на следующий год. Друзей мальчика такая весть здорово развеселила. Если сначала они не смели и смотреть в его сторону, то после смерти его дедушки Озрана и второго проигрыша, они стали одержимы издёвками, а было это так.

– Второй промах, Азиз, – выгнув грудь, выпалил Алиб.

Обнажив свои крепкие белые зубы, он толкнул Азиза в плечо. Лицо того сморщилось от злости. Нахмутив брови, он быстрыми шагами направился к реке.

– Идешь набирать воды для полива моего огорода? – крикнул ему вслед Мариль, и они с Алибом расхохотались. Сестра Азиза посмотрела на мальчишек и нахмурилась. Затем перевела вопросительный взгляд на мать. Тонкие пальцы той обхватывали золотой медальон, висящий на её шее, а взор был устремлён в сторону удаляющегося сына.

7

Солнце начало заметно садиться. Птицы стихали. Азиз сидел на берегу Рагвы, опустив в воду ноги. На его синие глаза ширмой опустились веки, свежий ветерок нырял в его кучерявые волосы. Он перебирал руками камни перед собой, как вдруг на него нахлынуло теплое воспоминание, и он шепнул:

– Дада... – тот предстал перед ним сидящим на совете нихаса, окружённый восхищёнными взглядами.

– Северную часть наших холмов заполонили волки, стада нужно сгонять на южный холм, а волков уничтожать, – мужчина лет тридцати раздул ноздри, левая бровь его изогнулась, а лицо вытянулось. Расправив плечи, он шагнул вперёд.

Старейшины неодобрительно закачали своими головами. Они все исподлобья глянули в сторону сидящего во главе мужчины. Он равнодушно наблюдал за говорящим. Затем сдержанно начал:

– Когда-то давно брат нашего покойного старейшины Иссы, – сидящие привстали, – мир вашему дому, ушёл на охоту. Он долго искал одного оленя и вот, наконец, выследил его на берегу реки Рагва. И убил его с первой стрелы.

Самодовольный он спустился к реке и принялся за разделку туши. Из кустов за ним следила пара сверкающих глаз волка. Он вышел из засады, когда охотник кинул ему добрый кусок мяса. Животное, опустив голову, недоверчиво понюхало его, и в этот миг стрела вонзилась в него. Хищник заскулил в последний раз и рухнул замертво. Охотник забрал свою добычу, а труп зверя оставил там – на берегу. Что стало с братом Иссы, вы все знаете. Сегодня его сын наш лучший охотник, который убивает животных ради благополучия нашего племени, и он ни разу не пытался превзойти норму...

Озран вынуждающим взглядом посмотрел на стоящего посередине нихаса мужчину, тот вышел из круга, виновато опустив голову.

– Дада, а что нам делать тогда с волками? – раздался детский голос за спиной старика.

– Овец мы перегоним, как сказал наш брат, но не всех, оставим жертву для леса. Мы не будем уничтожать всю стаю волков, а всего лишь троих и только после того, как они нападут снова. Животные прекрасно знают, что случается с нарушителями границ.

– Дада, ты такой мудрый, – Азиз вышел из-за его спины и присел у ног дедушки, тот улыбнулся и качнул головой вперёд.

– Это мы умные, – старик развел руками, – если бы не он, – Озран одобрительно посмотрел на мужчину, тот выдохнул с облегчением, – мы бы ещё долго думали над решением этой проблемы. Братья, если вопросов больше нет, мы можем разойтись.

Азиз улыбнулся, вспомнив дедушку, но тут же снова нахмурился:

– Раз мы такие умные, то почему создаёте эти глупые обычаи? – прошептал он еле слышно. – Я лучше всех стреляю из лука, бегаю быстрее всех, в единоборстве могу победить любого, отец был горд мной, когда я выследил стадо оленей! – Азиз сжал в руке острый камень. Кровь потекла по его пальцам. Чудно то, что у него была такая же родинка на указательном пальце, как у его отца. По поверьям Асифов, только у самых сильных в племени появляются такие отметины.

– Тогда как так вышло, что ты опять проиграл, а, Азиз? – бархатный голос раздался прямо над самым ухом юноши. Тот подскочил и стал озираться, как зверь, но поблизости никого не оказалось.

В ущелье раздался громкий хохот и тут же словно унёсся под купол неба. Азиз задрал голову, долго вслушивался в темнеющее небо, но так ни один звук до него не донёсся.

8

Погружённый в свои мысли, он возвращался домой. Только он ступил в селение, как в его

широкую спину шлёпнулась лепеха свежего коровьего помёта. Вздвогнув, он резко обернулся. Снова лепёха, и теперь прямо в лицо. Не успел утереться, как прилетела следующая, а за ней ещё одна. Азиз ринулся вперёд.

– Старик Озран не спасёт тебя от работы, батрак! – кричал Алиб, убегая от Азиза в другую сторону.

Громко смеясь, впереди неслись Мариль и Сабо. Они бежали так, пока Алиб не споткнулся. Азиз налетел прямо на него, уселся сверху и, прижав коленями, разорвал его одежду – вытерся. Мариль и Сабо подбежали на подмогу другу, но твердокаменные кулаки Азиза повалили их на землю. Они на четвереньках уползали как можно дальше.

– Азиз, это просто шутка! Прости нас, – кричал Алиб и попытался встать, но Азиз с силой наступил ему на ногу и сломал её.

– Я тоже шучу, Алиб. Я тебя всего лишь прошучу, – ударив его в грудь, произнёс Азиз. – Ты вечно прячешься под юбкой матери, а сейчас позволил себе такую шутку в мою сторону. Да?

Алиб изводил свой голос, кулаки Азиза были безжалостны. Вокруг собралась толпа, и никто не старался их разнимать. Мать Алиба шагнула в сторону сына, но её муж преградил ей проход своим плечом. Алиб замолк. Азиз хоть и остановился, но был похож на готового всё ещё нападать и грызть зверя. Обернувшись, он искал глазами взгляд отца, тот кивнул ему, и Азиз, встав во весь рост, устремился в лес.

Сын охотника беззвучно пробирался знакомыми тропами. Выйдя на поляну, он осмотрелся и чутко прислушался – тишина, лишь вдалеке ухала сова. Уткнув руки в пояс, он шагнул к кустам и прыгнул вниз.

Вода в озере была прохладная. Азиз лёг на спину, вытолкнул себя вверх, чуть пошевеливая ногами. Чёрное, расшитое звёздами небо, шатром нависло над озером. Отрок был недоволен собой, хмурился, переворачивался в воде, задерживал дыхание и снова ложился на спину.

– Что-то не даёт ему покоя, – погладив свою пепельного оттенка косу, произнес Дух леса. Он сидел на лапах ели, подобрав подола черного платья.

Азиз снова нырнул, теперь глубже. Дух, сверкнув зубками, пролетел над озером. Прошелестя вплотную над поверхностью воды, он провел рукой в том месте, куда нырнул Азиз.

«Почему я до сих пор не всплыл! Неужто я нырнул так глубоко?» – подумал юноша и продолжал грести руками, но ничего у него не получалось. Стало трудно дышать, и Азиз начал паниковать. Перед его глазами возникли картинки, сначала неясные, затем всё чётче. Это было его первое поражение в испытании.

***

Азиз держал за руку женщину и шёл к просвету меж деревьев. Её сын нагнал их и упал Азизу в ноги, начал умолять, дёргать его и тихо завывал:

– Азиз, прошу, я прохожу уже третий раз. Мне не смыть позора. Ты силен и умён, выиграешь ещё. Умоляю. Азиз – добрая душа старика Озрана...

***

Дух навис над синим озером, заглянул в него. Его глаза переливались разными цветами радуги, а Азиз всё плыл и боролся с собственными воспоминаниями.

– А второй раз? Ну же... – глаза его выкатились, и он затих в ожидании.

***

На левом плече Азиз нёс женщину. Листва победоносно шелестела под ногами, а сердце отрока ликовало. Но он стал улавливать другой шелест, стремящийся попадать в такт его шагу. Не успел он обернуться, как сзади кто-то приставил нож к его горлу.

– Отдай мне её, – приказал тяжёлый голос, – я убью тебя, если ты ослушаешься.

Азиз не хотел уступать. Он весь напрягся, перед глазами пронёсся осуждающий взгляд отца. Он нахмурил брови и толкнул всем телом стоящего сзади. Юноша не устоял на ногах.

– Ты же добрый парень. Дедушка Озран учил нас помогать нуждающимся. Что бы он сказал сейчас? – тихо произнесла женщина над ухом.

Азиз тосковал о недавней утрате. Перед глазами пронесли тёплые воспоминания, как они вырезали фигурки из дерева, как дедушка рассказывал о подвигах предков, как он учил его изготавливать яды для животных. Достаточно было упоминания о нем, чтобы его сердце смягчилось. Он опустил женщину на землю и, нахмутив брови, вышел из леса в противоположном направлении. Он вспомнил слова матери, она предупреждала его, что это повторится снова...

***

Он не переставал бороться с глубиной, но не мог её одолеть. Узнав всю правду, Дух леса взлетел к небесному шатру. Жадно, рваными глотками Азиз вдыхал воздух. Он выбрался на берег и без сил рухнул на камни. Полежав так некоторое время, он собрался, развёл костёр. Постирал свои вещи и разложил их у огня. Обняв колени, он всю ночь провёл в мучительных раздумьях. С ближайшей ели за ним пристально наблюдала пара радужных глаз.

– Хорошая душа старика Озрана заключена в твоём большом сердце, – говорил будто бы с ним Дух леса. – Твой народ не достоин такого сына, как ты.

Ветер донёс обрывок фразы до одиноко сидящего у костра юноши. Азиз заворуженно смотрел на огонь. У него закончились мысли. Теперь важно было устоять перед фразой дедушки: «Сильный всегда помогает слабому».

9

Летнее солнце не согревало верхушки гор – их покрыли плотным одеялом серые тучи. Оно

не пробуждало от ночного сна жителей леса. Первые петухи не вещали о начале нового дня с насестов всех курятников. Всё было жёлтое, последний месяц лета сжёг округу.

Первыми встали жёны. Коровы в стойле не ждали своих хозяек, пока те не подоят их, потому что молока у них не было. Их не выгоняли со двора, там уже не ждал всадник, чтобы погнать их на пастбище, и вечером, на заре, проводить до селения. Домашние очаги деревни уже ждали своих хранительниц. На ещё не потухший уголёк женщины аккуратно клали тонкие сухие кизяки, дров не было. Все близлежащие деревья сгнили и не горели. Очаг был расположен в центре гостиной комнаты, оттуда дым не поднимал свои худые руки и не тянулся вверх к серому небу. Только лишь удушливый запах разносился по комнате и аулу.

Людей побогаче не было, и их настенная печь не отапливала весь дом. Годом раньше женщины не давали угасать огню, даже летом, но в селе-ние ворвалась мокрая осень. Всё тухло, мокло, замерзало. Вот и утром, подбросив полугнилых поленьев в печь, они брались за худое тесто. Женские руки замешивали его не с молитвой, а причитая и плача. Дети в это время искали яйца, а кто-то пас остатки стада ягнят. Вот один из мальчишек, уже погнав их, размахивая ивовой ветвью.

Мужья лениво вставали. Завтракая, они вспоминали имя Всевышнего и молили о пощаде, о куске хлеба. Они не просили его благословения на грядущий день. Они не кололи дрова и не готовились к новому. Никто не шёл на охоту, на рыбалку. Жизнь застыла в этом маленьком ауле.

Осень завывала волком. Ветер разнёс весь урожай. Дожди потопили полдеревни. Туман густел с каждым днём.

В окрестностях не осталось живности, и Азиз уходил всё дальше в лес. Оленя, которого он убил в начале осени, разделили. Мать сшила Азизу из его шкуры чуквяки. Сейчас ступая по

мокрой листве, он смотрел с любовью на свои ноги. Тепло и сухо.

Азиз присел на пень, затянувшись влажным воздухом, прислушался. С ветвей деревьев стекали капли дождя и глухо падали на лиственный ковёр. Какое-то постороннее шуршание еле слышно донеслось до его ушей. Ноздри Азиза раздулись:

– Мокрый заяц, – он смотрел в кусты и никого не видел, но был уверен, что заяц там.

Шуршание стихло. «Терпение – главное оружие охотника, умей выжидать зверя», – говорил Кхалиф. Азиз продолжал неподвижно сидеть. Капли стучали по ковру. Чижи грустно распевались, и отрок, закрыв глаза, прислушался. Песня лилась отовсюду. Она окутала его, как когда-то окутала большая тёплая бурка отца.

– Почему я не могу жить в этом месте?! – произнёс он шёпотом и запрокинул голову назад.

С живого расписного купола стекали слёзы. Слабый ветерок укачивал роспись и от этого с неё падали коричнево-красные листья. Не ясно, что за капли стекали по скулам отрока. Он снова жадно втянул влажный воздух, хвойный запах пощекотал ноздри, и он не спеша освободил свою грудь.

– Твой народ умирает с голоду, а ты любишься лесом, – говорит ему голос дедушки.

– Я сделал достаточно для своего народа, – выпрямившись, Азиз поднял лук и достал стрелу из-за спины. – Ты вечно помыкал мной, не давал мне дышать. Теперь этому конец, я больше не отдам свою победу и даже твоему духу не позволю мне помешать.

Азиз отпустил стрелу. Трёхгранник со свистом пронзил тушу зайца и, как когда-то, прибил его к комлю дерева. В глазах его читалась прежде невиданная жестокость.

Пришла зима. Аул попал в ледовый плен. Жители, и без того трепещущие над огнём, стали ещё бережливее. Холода пережили не все. Люди приносили в жертву лесу то, что осталось от их

добра, молили Всевышнего, но ничего не менялось. Если осенью Азиз ходил на охоту один, то сейчас в эту стужу отец его не отпускал:

– Мы славно запаслись, у нас всего хватает. Да, бывало и лучше, но зиму мы переживём. В кладовых хватит еды до самого лета, мы даже можем делиться с соседями, – вслух размышлял Кхалиб для ушей Азиза.

Открыто говорить с сыном ему не позволял адат. После второго проигрыша глава семейства давал обет молчания – ему запрещалось говорить с сыном, пока он не одержит победу. Осень мальчик провёл в лесу, не проходило и дня с его возвращения с охоты, как он снова собирался в путь. И сейчас он готовился выйти, но семья забеспокоилась, как бы с ним ничего не случилось в эту тяжёлую зимнюю стужу.

Кхалиб садился в кресло отца перед кьона³ и начинал рассказывать истории своим младшим, но больше всего он хотел, чтобы слушал Азиз.

– Много случаев, когда мужчины от нужды шли зимой на охоту. Голодные волки не так страшны, как сход ледника. Сколько доблестных мужчин погибло такой смертью, а у нас всего в достатке – и орехов, и яблок, и груш, и даже вяленого мяса. Спасибо нашему охотнику, – так начиналась любая его притча.

Азиз хмурился, морщил нос от холода, а лес манил его в свой белый плен. Как-то ночью, когда аул осветила луна, и ветер завыл свою песню, к Азизу пришёл гость. Это была полевая мышь. От увиденного густые брови отрока встали домиком. Он взял её на руки и подкормил крошкой хлеба. Мышь ела, дёргая усиками, и разглядывала лицо Азиза:

– Глупый ты мальчик. Тобой играют, а ты их прощаешь, – запищала гостя, протягивая лапки к носу Азиза, он недоумённо смотрел в её глаза-пуговички.

– Не надо так на меня смотреть. Если ты не дашь отпор, тебя даже мышь не будет бояться, – хмыкнула она.

Азиз хотел сказать что-то, рот его открылся, но звука не издал.

Он продолжает пытаться уже стал срываться на крик, но ничего не вышло. Его охватила ярость, затем страх. Он пытается встать, но и этого не может. Дергается, смотрит на себя, а он весь перевязан. Верёвки впиваются сильнее и сильнее, с одной стороны тянет дед со старейшинами, с другой стороны Дух леса – пытается его высвободить. Азиза сдавили, и вот он уже под ногами деда и односельчан. Его всё давят вниз в землю, а дед его кричит:

– Нельзя быть берёзой среди сосен!

– Сын! – Мать Азиза вскрикнула от страха. – Кошмар. Это был кошмар. Великий Дух леса, покровительница добычи нашей, – мать кинулась к углу, где стояла маленькая деревянная женская фигурка. – Сохрани жизнь моему мальчику, прошу тебя, ты знаешь его лучше всех нас, он провёл всё своё детство под твоим крылом. Спаси его, забирай, что хочешь, но высвободи моего сына. Он глуп и наивен, он не должен расплачиваться за свою доброту, – мать вытирала слёзы. – Прости, что прошу о таком, Покровитель мужчин, но вы, духи, лучше нас знаете, вы видите наши души.

Она умыла лицо водой, которая стояла перед фигуркой. Правой рукой она коснулась своего лба, затем поднесла к сердцу, поклонилась и вернулась в постель.

Весна подарила людям надежду, но это была ложь. Всё растаяло, и реки потекли по улицам. Рагва, которая всегда была благосклонна к жителям, теперь вылилась из берегов и безжалостно унесла пару ближайших домов. Люди уповали на лето, но и оно не порадовало их.

Вот и старики, голодными вышли из своих домов и отправились на нихас. Здесь, в центре села, стоял большой плоский камень. Вокруг него подобно кольцам, расходящимся на воде от детской игры на озере, были расставлены камни и пни. Во внутреннем кольце сидели

старейшины. Другие мужчины рассаживались по старшинству от центра. За ними дети и женщины. Последние стояли в стороне. Женщинам там, как правило, делать было нечего. Они приходили послушать только важные объявления. Раньше старейшины много думали, говорили, обсуждали и решали, но пытаюсь ответить всего лишь на один вопрос «За что?» Сегодня в кругу все молчали. Этот год стал для них страшным испытанием или карой...

10

Пришло время традиционного обряда посвящения в мужчины. Азиз решил прогуляться, пока у него есть время, мысли в его голове беспорядочно двигались вместе с воспоминаниями. Тяжело ступая по крупным камням, он прошёл по берегу реки. На секунду остановился. Его лицо застыло в раздумьях. Брови сдвинулись, пряча его небесно-голубые глаза. Мощные челюсти напряглись, его скулы стали сродни горным утёсам, нависшим над рекой. Руки сжались в кулаки. Рагва бурно неслась куда-то вдаль. Азиз смотрел на потоки, от которых кружилась голова и думал:

– Уже два года я живу как раб. Работаю втрое больше брата и сестры. Берусь за всякое дело. Два года я не слышал ни слова от своих родных. Два года мой отец сносит со мной мой позор, его борода длиннее, чем у хранителя. Меня ото всюду толкают и пихают даже те, кого я называл друзьями. Только мать изредка греет меня своей теплой, улыбкой. А это только начало, что будет, если я не пройду испытание и в этот раз...

– Всё из-за твоей излишней доброты, Азиз, – прошелестел ему ветер.

– Прежде я слышал этот голос, – юноша обернулся, но никого не увидел, – кто бы это ни был, ты прав. Ничто не должно сломить меня, даже этот тяжёлый год.

Азиз вскинул руки к небу. Помолившись, он направился к порогу леса, где всё уже было готово к началу. Женщина, на вид лет 30, в бордовом пла-

тье поверх штанов, направились в чащу и исчезла среди высоких деревьев. Ей даны были считанные минуты для того, чтобы спрятаться. Каждая мать благословляла своё дитя. Матери Азиза было запрещено к нему подходить, но она нашла способ передать своё благословление сыну – старейшина подошёл к нему и пожав, руку прошипел:

– Мать надеется на тебя, – и пренебрежительно пихнув юношу в живот, отстранился.

Солнце лениво поднималось вверх. Облака безмятежно плыли по небу. Казалось, что природе не волнует участь маленького человека. К старейшинам подвели жертвенное животное. На лбу белого ягнёнка была красная отметина. Небольшую чашу с двумя ручками наполнили молоком и протянули стоявшему посередине мужчине. Он проговорил молитву, толпа подхватывала его слова дружным «Оммен». Затем он отпил и передал чашу другому старейшине. После сказанных трёх молитв ягнёнку перерезали горло, Кхалиф поставил под него молитвенную чашу. Отроки встали в единый ряд перед старейшиной, он обмакнул пальцы в кровавом молоке и дотронулся до лба каждого. Только после этого они ринулись в лес.

Азиз бежал впереди, а Алиб, Мариль и Сабо оживились и начали подшучивать над ним:

– Азиз! Будешь чистить и моё стойло. После моей победы Дух леса будет благоволить мне, и в нашем доме прибавится скота.

– Он будет чистить стойла всей деревни, – крикнул другой, и юнцы разразились хохотом.

– Ваши стойла пусты, бараны, поблагодарили бы Мать леса за то, что не подошли с голоду, – прыснул Азиз и, толкнув Сабо, пробежал мимо.

Сзади их подгонял с ветер. Листва предательски шуршала под ногами семи юнцов. Солнце иссушило почву, и передвигаться бесшумно было практически невозможно. Добежав до священного камня, они разделились. Азиз остановился. За ним следили духи предков. Все ждали его решения, покойные спорили, по какой

дороге пойдёт их сын.

Над головой Азиза раздалось воронье «Кар».

– А что, если не выиграет никто? – злая ухмылка скользнула по его губам.

Духи начали совещаться, ещё никто никогда не думал изменить правила этой игры.

– Не глупи, Азиз, ты же можешь честно выиграть, – шептал ему дед, но Азиз не слышал и даже не заметил, как чёрная змея проползла в его сердце и окутала глаза. Азиз побежал направо, вглубь леса, минуя деревья и маленький ручей.

Солнце было уже в зените, но лес, словно накрытый куполом, был пропитан смрадом. Золотистые лучи изредка пробивались сквозь листву деревьев. Началась новая игра – игра Азиза. Он бежал со всех ног и, наконец, догнал его. Отрок обернулся, но тотчас между его карих глаз мелькнул нож. Отрок упал. Азиз поднял руки к небу:

– Боже, отец и мать с детства говорили, что выживает сильнейший, а я не слушал их. Так не гневайся же на меня, ибо я убиваю их, потому что они слабы.

Смерть, не спеша шла по кровавым следам. Азиз побежал левее, ища следующего.

Вступив в схватку с тринадцатилетним парнем, он задушил его.

Голубые глаза убитого смотрели вслед убегающего Азиза. На губах медленно стыла кровь, гладкое лицо выражало спокойствие и благодарность.

– Солнце уже несколько часов не сдвигалось с места, – заключил Азиз, подняв голову к небу, желая узнать время.

Ужаленный змеёй, он бежал, вслед за другой жертвой. Вскоре, нагнав Алиба, Марилю и Сабо, он подло расправился с ними – убил каждого со спины.

Лес был спокоен, окутанные мёртвым сном его жители будто вымерли. Маленькие ручейки старались журчать тише. Азиз ступил в воду, хоть его горло и просило воды, а тело передышки, он не остановился.

Смерть не отставала от охотника и его жертв. Что-то мелькнуло за его спиной, он остановился, осмотрелся.

– Гезарос бы не догадался идти по этой дорожке. Кто здесь?

Смерть вышла к нему, медленно обошла вокруг и прошипела:

– Остановись, Азиз. За тебя уже отомстили, а ты забыл, зачем пришёл.

Обычай отошёл на задний план. Отрок стал охотником за головами. Кровь пролитых невинных людей теперь была не только на его руках, а текла в его жилах. Он озверел и отправился на поиски Гезароса.

Азиз бежал, не останавливаясь. Солнце не меняло своего положения, хотя уже было время заката. Оно старалось пролить свет на происходящее, но лес не пропускал его, а в сердце мальчика уже гнездилась змея.

Гезарос был развит не по годам и, наткнувшись на несколько трупов своих товарищей, он без труда догадался, что Азиз боится позора, и решил найти его раньше, чем он найдёт его. Традиция приобрела дурной характер...

Солнце жгло всё сильнее, пытаясь избавиться Азиза от дури, но кроны деревьев всё сильнее застлывали его безумие. В чаще замелькали тени, и в овраг спустились духи убитых юнцов и предков и собрались вокруг. Гезарос понимал, что от него зависит жизнь его народа и на него легла кровь его братьев. Смерть была уже здесь

– в образе женщины. Её пепельного оттенка волосы были бережно заплетены в плотную косу, её чёрные глаза переливались в густом тумане, который начал темнеть с её появлением. Духи расступились. Дед Азиза спросил:

– Чью душу ты сегодня заберёшь? – но она отвела взгляд.

Азиз бросился на своего противника. Завязалась драка, и Гезарос ударил его ножом. Азиз завопил, махнул кинжалом, и холодный металл скользнул по гладкой коже его противника, разрезав ему горло. На белой плоти заалела кровь.

Мать Гезароса пряталась в этом овраге и видела всё. Она вылезла из бревна, на её лице не было ужаса, лишь жажда мести застыла в её злато-карих глазах. Азиз смотрел на неё свысока, он видел в ней тех матерей, что упрашивали его отдать свою победу. Он поднял окровавленные руки к небу:

– Всевышний, ты услышал мои молитвы.

Женщина подошла к нему и плачущим голосом произнесла:

– Я считала, что дядюшка Озран научил тебя жалеть слабых, но ошиблась, – она подняла сына на руки и двинулась к порогу леса.

Небо, спрятавшее за тучами солнце, заплакало то ли от тоски, то ли из-за засушливого лета. Из глубины ущелья слышался гул реки. Капли дождя громко застучали по листьям. Азиз смотрел перед собой, медленно ступая по лиственному ковру. Холодный дождь омывал его руки. Красные ленты, растворяясь, уходили в землю. Азиз вышел из леса...

¹ Ердо – отверстие, дымоход на крыше сакли.

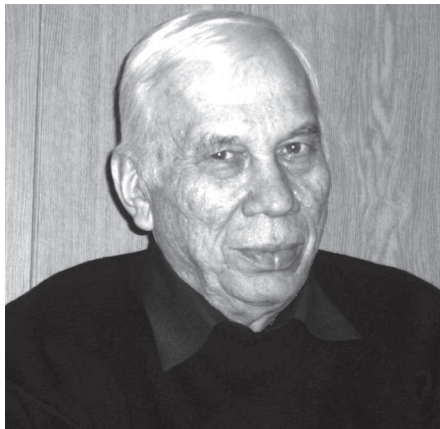
² Нихас – место, где старики обсуждали все дневные события и дела, держали совет по злободневным вопросам бытия.

³ Къона – домашний очаг, располагался в центре сакли.

Ли́ра

Шамсудин МАКАЛОВ
(1942-2020)

Окончил Дагестанский медицинский институт в 1965 году. Публикуется в республиканской периодике с 1959 года. Автор книг «Малярные кисти» (юмористическая повесть, 1964, Махачкала), «Счастье шагать» (стихи, 1974, Грозный), «Первые шаги» (повесть на чеч. яз., 1983, Грозный), «Деши» (повесть, 1987, Тюмень), «Необыкновенная ночь» (рассказы на чеч. яз., 2005, Грозный), «Вечерние размышления» (стихи, поэмы, 2006, Грозный), «Весенние голоса» (стихи, 2006, Грозный), «До восхода солнца» (стихи, рассказы, 2008, Грозный). Член Союза писателей РФ (1992).

КАВКАЗ

Я листаю страницы беды,
Книгу жизни листаю свою,
Мой Кавказ, наши тропы круты,
Крутизну их и снежность пою.

Ты прости за разлуку, Кавказ,
Разлучен против воли своей,
Я вдали слыл бандитом не раз,
Труден путь был выюжных степей.

Боль я нес от Тянь-Шанской гряды,
До вершин твоих белых, Кавказ –
Нет на свете страшнее беды,
Чем разлука с тобой, хоть на час.

Много всякого рода чужих
Запрещало Кавказ мне любить:
– Ты умрешь на дорогах степных!
– Злой чечен, тебе дома не жить.

– Позабудь свой высокий Шатой,
Позабудь свои башни в горах.
Ты на этой дороге чужой
Превратишься когда-нибудь в прах.

Как люблю я тебя, мой Кавказ,
Как хочу защитить от врагов.
Ты спасал меня в жизни не раз
Средь казахских буранных снегов.

Потому я сегодня в строю.
Я – твой сын, обещаю Судьбе:
Если надо, тебя отстою,
Если надо – погибну в борьбе!
Дай мне воспеть...

Перенести мне дай, Аллах,
На грубый холст красу Чечни –
Ее вершин и башен взлет,
И рек стремительный полет
Дай мне на холст перенести.
Дай мне в стихах воспеть, Аллах,
Селений яркие огни,
И журавлей весенний лёт,
И пиков горных вечный лед,
Высоких звезд огни.

Спеть песню о любви, Аллах,
Ты мне однажды дай,
И беспредельна песнь моя,
Как мой Даймохк, моя земля,

В ней все – и ад, и рай.
 Мне спеть ее позволь, Аллах:
 Она жива во мне.
 В ней лучезарна даже боль
 И слез сладка в ней злая соль –
 Она живет во мне.

Мне сердце матери, Аллах,
 Любовью дай согреть,
 Чтобы оно не знало бед,
 Ведь этим сердцем мир согрет,
 Чтоб он не видел бед.
 Тогда мне силы даст Аллах,
 Чтоб смерть я встретить мог
 Не в страхе плачущим щенком,
 А как невесту женихом,
 Чтоб смерть я встретить смог.

ЯЗЫК ОТЦОВ

Язык отцов, я пред тобой в долгу –
 Я часто грелся у огня чужого.
 Но в сердце сына, поверь мне, я не лгу,
 Всегда жило тепло родного края.

В чужом краю я маму наной звал,
 Родной язык, ты был моей судьбою,
 В чужом краю тебя я воспевал,
 И не могли ни Берия, ни Сталин
 Отнять язык чеченский у меня.

Ты мне открыл величие Кавказа,
 И мудрость дедов, и судьбу отцов,
 Я узнавал тебя, язык мой, сразу
 По реву рек, по клекоту орлов.

По гордости, высокой и суровой,
 По доброте, что ты в себе носил,
 По солнечности флейты родниковой,
 Чья нежность мне дала так много сил.

На нем со мною нана говорила,
 И я живу, язык родной храня,

В том языке такая власть и сила,
 Что научила мужеству меня.\

УЛЫБАЕТСЯ МИРУ РЕБЕНОК...

Удивленно, легко, спросонок
 В первый раз улыбнулся ребенок...

И слетели вдруг голуби с крыш,
 И луна окуналась в бочонок.
 В первый раз улыбнулся малыш,
 В первый раз улыбнулся ребенок.

В первый раз улыбается он,
 В первый раз улыбается миру.
 И веселый малиновый звон
 Наполняет весь мир, как квартиру.

В первый раз улыбнется малыш,
 И к тебе словно детство вернется.
 Звезды скатятся с неба и крыш,
 И зажжется в полночи Солнце.

Будет все – и ветра, и гроза.
 Будет все – и беда, и ошибки.
 Все пройдет, сохранили б глаза
 На всю жизнь отсвет первой улыбки.

В первый раз улыбнулся малыш...

В ГОРАХ

Отважная птица кружит над тропой,
 Опасность таится на каждом шагу,
 И злится, и мчится внизу, подо мной
 Разъяренной львицей рычащий Аргун.

Иду по обрыву – утесы вокруг.
 Нога соскользнет – и провал, и пропал.
 И смертною гривой мне кажется вдруг
 Летящий на взлет волн стремительный вал.

И яростный ветер свистит, как шальной,
Сосне, что без виз, проросла на скале,
Но весел и светел поток озорной,
Что падает вниз, пропадая во мгле.

Он мчит водопадом в ущелье, к волнам.
Аргун принимает его, словно дар.
Вдали ж, как награда усталым глазам,
На склонах гуляют десятки отар.

Я знаю, тропа приведет к роднику –
Воды там напиток из горсти смогу.
А дальше... мне снова кружиться тропой,
А сердце, как птица стремиться в Шатой.

Отважная птица кружит надо мной
Опасность таится на каждом шагу.
И злится, и мчится внизу, подо мной
Разъяренной львицей рычащий Аргун.

РОДНАЯ РЕЧЬ

Люблю тебя, родная речь,
Люблю тебя, любимая,
Души моей ты грелка, печь,
Любовь неугасимая.

Люблю тебя, родная речь,
Как мать свою любимую,
Решил в стихи свои облечь
Любовь неугасимую.

СТРУНЫ

Мне струны гармонии играют
От них на душе мне светло.
И стонут, танцуют, рыдают,
Буравят они, как сверло.

Мне нравятся их переливы –
Над сердцем моим, господа.
Ведь стойкий и тот содрогнется,
Их звуки услышит когда.

ТОПОЛЯ

У той дороги возле пашни
Весь день работала пила,
Издав последний вздох протяжный,
Валились, наземь тополя.

Когда-нибудь, иными днями,
О, мы поплатимся за ту
Над засыхающими пнями
Зияющую пустоту!

Давайте выйдем, выйдем дружно,
Мы без пилы и топора,
У той дороги возле пашни
Посадим снова тополя.

НАСТРОЙ ПОНДАР

Имрану Усманову

Настрой пондар, певец,
На самый верхний лад.
И множество сердец
С тобой забьется в лад.

Настрой пондар, певец,
Увидишь, сколько глаз
Зажжет мечтой Творец
В высокий этот час.

Ударь по струнам – ждем,
Рождают песню руки.
И вот святым огнем
Взлетают в небо звуки

В них и любовь, и даль,
И славные дела.
В них радость и печаль,
Нет подлости и зла.

С младенческой поры
До горьких смертных дней,

Как утром свет зари,
Ты радуешь людей.

Отрада для сердец,
Ты на минуту стих.
И снова, о певец,
Мы песен ждем твоих.

Пой, илланча – певец!
Все можешь сделать ты.
Зажечь огонь сердец
Для счастья и борьбы.

Ударь по струнам! Ждем.
Рождают песню руки,
И пусть святым огнем
Вновь обожгут нас звуки.

Пой, илланча – певец!
В высокий этот час
И песня, и Творец
Да не покинут нас!

Я ЛЮБЛЮ САЖАТЬ ДЕРЕВЬЯ

Я люблю сажать деревья
Ранним утром, до восхода,
Спят сады и спит деревня,
Но идет моя работа.

В их тени усталый путник
К дому путь скорей найдет,
И родник – всей жизни спутник –
Песню громче здесь поет.

От жары укрывшись, люди
Сядут в их тени густой.
Старикам легко здесь будет
Коротать свой день простой.

Я хочу, чтоб не срубили,
Чтоб выросли – стройны,

Чтоб влюбленные здесь были
Еще больше влюблены.

Чтоб улыбки появлялись,
Чтоб рождался новый стих,
Уходила прочь усталость
От людей при виде их.

Но еще хочу, чтоб ими,
Словно вздох при ветерке,
Повторялось мое имя
На лесном их языке.

О ЛЮБВИ

Моя любовь – и боль, и плаха.
И радость жить одной тобой,
Весенняя лесная птаха,
К нам залетевшая в Шатой.

Я не могу сдержатъ желаний
И новых встреч с тобою жду.
Я даже горечь расставаний,
Как драгоценность, берегу.

Я быть хочу счастливой птицей,
Поющей под твоим окном.
Как я хочу тебе присниться,
Войти к тебе хотя бы сном!

Крута моей любви дорога,
И ты со мной всегда строга.
Живу тобой, люблю, как Бога,
Ты мне, как песня, дорога.

И вот оно – мое мгновенье,
Оно – награда и гроза,
И первое прикосновенье
Мне и теперь забыть нельзя.

Нет, ты, Любовь, не боль, не плаха,
Ты – радость, что всегда со мной,
Весенняя лесная птаха,
К нам залетевшая в Шатой.

ОСЕНЬ

Снова ветер зол и беспощаден,
Снова дождь и морось, снова грязь,
Осень, осень... Как же безотраден
День, в который осень родилась.

Листопад – и сад глядит растерянно;
Обнаженный лес – как смерть, суров.
В воздухе предчувствие рассеяно
Будущих невиданных снегов.

Мне печально осени страдание,
Не вернуть ей летних дней красы.
Смерть листвы – природы увядание –
Покачнулись радости весы.

Боль пройдет. Зима прогонит осень.
А весна расправится с зимой.
У крыльца зазеленеет ясень,
Вновь сады украсятся листвой.

Вновь начнется буйное цветенье,
Гимн цветов, даруемый весне,
Бело-розовых садов кипенье,
Юность возвращающее мне.

Вновь вернутся запахи и краски,
Вновь поникнут ветви от плодов,
Осень... осень...
лишь природы встряска,
А не потрясение основ.

НОЧЬ

О ночь незрячая, зачем стучишь в окно,
Неся обиды и тоску глухую,
Пора бы знать тебе давным-давно,
Что молод я, и ночью не тоскую.

Ты утешенья в горестях не жди,
Но, если хочешь, то зайди погреться.
Пока стучат за окнами дожди,
В тепле согрей свое ночное сердце.

Но если ты, фея, излучая свет,
Меня глазами звездными поманишь
И скажешь мне: «Встречай меня, поэт!» –
Тогда моей желанной гостьей станешь.

Со мною вместе улетишь в мечтах
В миры иные и в судьбу иную.
Не приходи лишь в горе и слезах,
Не приходи такой, я протестую.

О, ночь-волшебница, мани меня красотой,
Осыпь звездами иль укрой туманом.
Я – твой поэт – и нежный голос мой
Не прозвучит в твоей тиши обманом

Ли́ра

Малика АЗИЕВА

Родилась в 1999 году в селе Дышне-Ведено Чеченской Республики. Там же, в 2016 году окончила СОШ № 2. В настоящее время является студенткой филологического факультета (русский язык и литература) ЧГПУ. Поэзией увлечена с детства, любимые поэты: А. Ахматова, М. Цветаева, В. Высоцкий, Е. Евтушенко, Р. Рождественский и др. Первое стихотворение написала в четырнадцать лет на чеченском языке. Публиковалась в журнале «Вайнах».

ХОТЯ БЫ КОСНУТЬСЯ

Да, улыбнулся... ртом.
Но глазами забыл улыбнуться!
А счастье – опять на потом,
В несчастье свое б уткнуться?

Ну что же... твой выбор, твой путь.
Если хочешь, можешь замкнуться
В любимом себе. Но... будь!
Жизнью к жизни успеи прикоснуться!

***

Если хоть в ком-то осталась душа,
Тогда не потерян век...
Значит, и жизнь на земле хороша.
Значит, хорош человек!

УПЛЫВАЕТ ДЕТСТВО НАВСЕГДА

Ярким пламенем детство
Уплывает вдаль...
Говорю я себе:
«Лишь
немного жаль...
Жаль счастливых дней,
Клеверный успех...
Мамин поцелуй,
Ручейковый смех,
Что мне не вернуть...»

Чистоты тех глаз
Жаль немного мне,
И наивных фраз...
Все – как бы во сне...
Теплоты друзей,
Легкости в толпе,
Радостных огней,
Верности судьбе...
Тихих вечеров
Жаль немного мне,
Первых нежных слов,
Что храню в душе...
Лет веселых лик,
Память, нарисуй!
Время удержи,
Детство арестуй!

Словно корабли
Уплывают вдаль...
Я шепчу себе:
«Мне безумно жаль»...

СВИДАНИЕ

У звезды с Луной
Вечером свидание –
Будут в небесах
Признания, венчание...
Ну, а нам с тобою –
Только расставание...

Может, пара слов,
 Полных лишь отчаянья...
 Звезда с Луной покровы ночи
 Украсили сиянием.
 А между нами – все до точек...
 Доказано твоим молчанием.

***

Уткнуться бы в маму,
 Не контролируя времени бег.
 Сбой случился в программе
 Без тебя, мой родной человек!

Улететь бы, вернуться в детство,
 Где тихо скрипит колыбель.
 Без тебя изнывает сердце...
 И не греет теплый апрель.

НИКТО НЕ НУЖЕН

У кого-то на шесть персон
 Завтрак накроют, обед и ужин.
 У кого-то на три или две персоны...
 А у меня – на одну. Я одна.
 Потому что никто мне не нужен,
 Кроме...
 Кроме Тебя.

БЛЭКАУТ*

Вконец истасканные,
 Слова все же сказаны –
 У кого-то украденные,
 Увы, безнаказанно...
 Влечение потушено
 Рассудка дыханием.
 Единство сломлено
 Ударом сознания.
 Верность истоптана,
 Доверие украдено.
 Клятводавание
 Напрасно обренокно –

Ибо нарушено!
 Больно обмануто
 Мое самолюбие...
 Тыменялюбие...
 Ятебялюбие...
 Чувства истерзаны –
 Все вырвано, включено...
 Блэкаут. Кончено.
 Навеки кончено!

***

На прощанье аплодисментов обрушу поток,
 Хоть ужасно играете роли –
 В тягость изображать постоянный восторг,
 К каждому заново подбирать пароли.

Хватит мозгу моему сотрясений,
 Придуманных о вашей жизни сказок!
 Уйду, без души стесняющих объяснений,
 От всех этих насточертевших масок.

Может, и благородны души у вас –
 Не археолог – копать, искать не хочу...
 Продолжайте казаться хоть тысячу раз!
 Я границу меж нами навек прочерчу.

ЖАЛЬ

Жестоко бьют твои слова
 По ноющим ранам моим.
 Эхом от них гудит голова...
 Жаль, что так мною любим.

Ранит душу твой равнодушный взгляд.
 Все, что свято – терзает в нем.
 Мое сердце горит... это просто ад.
 Противопоказано быть вдвоем.

Такая пропасть между нами легла,
 Такие груды из льдин...
 Пусть даже скажут: «Сошла с ума»...
 Закрывать бы чувства на «карантин»!

*Блэкаут (*англ.*) – буквально: «погружение во тьму», авария, сбой в энергосистеме.

Конкурс

Роза МЕЖИЕВА

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС «ЛИТЕРАТУРНАЯ ВАХТА ПАМЯТИ»

В Национальной библиотеке ЧР им. А.А. Айдамирова в течение трех дней (с 25 июля по 27-ое включительно) проходил Всероссийский литературный конкурс «Литературная вахта памяти», посвященный событиям Великой Отечественной войны – 80-летию Битвы за Кавказ. Это сражение было одним из самых кровопролитных в истории человечества, во многом предопределившее ее общий исход. Весной 1942 года перед гитлеровскими войсками стояла задача овладеть кавказской нефтью, без которой немецкая военная машина была обречена на поражение. Вся мощь вермахта была брошена на то, чтобы отрезать СССР от основных экономических баз на юге страны. На защиту Отечества встали представители разных национальных воинских соединений, сформированных из представителей народов Северного Кавказа и Закавказья: 4-й гвардейский Кубанский, 5-й гвардейский Донской казачьи кавалерийские корпуса; 110-я Калмыцкая и 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийские дивизии, 255-й Чечено-Ингушский кавалерийский полк, Дагестанский кавалерийский эскадрон. Также в битве за Кавказ участвовали 10 грузинских, 5 армянских и 4 азербайджанские стрелковые и горно-стрелковые дивизии. Ни в одной другой битве в годы Великой Отечественной войны не было представлено такого количества войск.

Однако победа над врагом была бы немислима без массового героизма и самопожертвования на фронтах и неустанного труда всех советских людей в тылу. Благодаря их массовому героизму противник был до предела ослаблен – а подвиги защитников Кавказа высоко оце-

нены советским народом и правительством. 25 января 1943 г. была учреждена медаль «За оборону Кавказа», которой были награждены больше полумиллиона участников битвы за Кавказ и работников тыла.

Сегодня, спустя 80 лет после окончания Великой Отечественной войны, для нас очень важно сохранить историческую память героического прошлого и передать ее через поколения. Именно этой цели был призван послужить конкурс, участниками которого стали 128 человек с разных уголков России: из северокавказских республик (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания и Чечня), Санкт-Петербурга, Калининграда, Новосибирска, Тамбова, Калмыкии, Татарстана, Саратова, Перми, Ставрополя и многих других регионов России. А также молодые литераторы из Абхазии и Республики Беларусь.

Об этом же в момент торжественного открытия конкурса говорили представители от принимающей стороны и гости – видные деятели в области культуры, литературы и политики: депутат Парламента Чеченской Республики Аднан Нагаев, председатель Общественной палаты Чеченской Республики Исмаил Денильханов, заместитель генерального директора Мемориального комплекса Славы имени Ахмада Кадырова Ислам Хатуев, Председатель Оргкомитета Всероссийского конкурса «Литературная вахта памяти» Сацита Исраилова и др. Многие из них были задействованы в работе жюри: Басиева Залина Руслановна, поэт, переводчик, член СП России, руководитель секции поэзии Союза писателей Северной Осетии; Кудяева Фарида Малиловна, писатель, публи-

цист, член СП России; Муслимова Миясат Шейховна, председатель Дагестанского отделения Союза российских писателей; Ельсаев Аламахад Абдул-Хамидович, писатель, поэт, журналист, председатель Союза писателей ЧР; Тугузov Асланбек Тапаевич, член Союза писателей России и Цуруев Шарип Мовладович, член Союза писателей России.

Выступающие отмечали, что истинная поэзия во все времена была голосом народа, выражала его чувства, мысли, оплакивала утраты и воспевала победы; что героическое прошлое нашей Родины и народа, не раз защищавшего свои границы от захватчиков, всегда находило свое отражение в литературе.

Конкурс проходил по трем номинациям: поэзия (авторские стихи), проза (рассказ, сочинение, миниатюра и т.д.) и публицистика (статья, очерк, и т.д.). В нем принимали участие молодые граждане в возрасте от 12 до 35 лет.

Перед организаторами конкурса и жюри стоял целый ряд непростых задач: воспитательных, в духе патриотизма и нравственных и культурно-эстетических ценностей народов нашей страны; выявление, поддержка и стимулирование творческого потенциала молодых писателей и поэтов, повышение читательской и творческой активности среди молодежи. А также – популяризация образцов литературного творчества, посвященного Победе в Великой Отечественной войне среди подрастающего поколения, расширение литературного и краеведческого кругозора, воспитание уважения к пожилым людям: ветеранам войны, труженикам тыла, чувства гордости за народ-победитель, и многое другое.

Судя по итогам конкурса и оценкам, данным жюри работам участников, многие из поставленных целей были достигнуты.

Учитывая большое количество конкурсантов

и возрастной «разброс» талантливых молодых литераторов из самых разных уголков России и ближнего зарубежья, особенно приятно отметить высокий уровень работ участников от нашей республики (М. Матаева, М. Мииева, Р. Боршаева, З. Хатуев, Х. Мазаева, М. Сосланбеков), занявших в различных номинациях 1, 2 и 3 места.

Кстати, согласно организационным документам, спонсоры конкурса оставляли за собой право, по согласованию с Оргкомитетом и жюри, присуждать собственные призы. И здесь не обошлось без сюрприза, а именно – появления по итогам конкурса незапланированной спонтанной номинации – «Гран-при». По словам Председателя Оргкомитета и директора Национальной библиотеки ЧР Сациты Исраиловой, это произошло в ходе работы жюри с материалами, присланными на конкурс – во время прочтения вслух одним из членов жюри стихотворения юной участницы из города Тамбов Надеждой Колмаковой «Разве могут игрушки плакать?» История игрушки, в прямом смысле слова опаленной войной, и размышления ребенка о чувствах и переживаниях ее, поразили опытных и «видавших виды» литераторов своей глубиной и зрелостью.

К этому моменту кое-кто из жюри (это был Асламбек Тугузov) даже успел отвлечься на чашку кофе – когда вдруг, что называется, «проходя мимо», услышал то самое стихотворение. «Это Гран-при!» – не сомневаясь ни на секунду, воскликнул он. И эта оценка была единогласно поддержана всем комитетом жюри. К сожалению, по определенным обстоятельствам сама Надежда не смогла приехать в Грозный, тем не менее, именно ее стихотворению досталась честь быть зачитанным в финальной части торжественного мероприятия, во время церемонии награждения победителей.

Конкурс

Надежда КОЛМАКОВА

Тамбов

Родилась 29 апреля 2007 года в городе Тамбове. В 2014 году пошла в первый класс филиала МБОУ «Цнинская СОШ № 2» в деревне Красненькая (с 31 декабря 2022 года стала филиалом МАОУ «Татановская СОШ»). О себе: «В этом же году начала заниматься танцами в детском хореографическом коллективе «Аллегро» и посещать студию «Кружевница» МБОУДО «Центра развития творчества детей и юношества Тамбовского района» (сейчас МБОУДО «Центр развития творчества детей и юношества» города Тамбова), в которой занимаюсь плетением коклюшечного кружева до настоящего времени. За успешное участие в конкурсах декоративно-прикладного творчества 3 раза получала гранты Администрации Тамбовской области одаренным детям в 2018, 2019 и 2022 годах.

С 2021 года занимаюсь в детской театральной студии «Кавардак» в МБУК «ДК «Знамя труда».

Я активно сотрудничаю с МБУК «Донская сельская поселенческая библиотека», с ТОГ-БУК «Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина, с МБУК «ДК «Знамя труда», принимаю участие в работе «Российского движения школьников», вошедшего в состав Российского движения детей и молодежи «Движение Первых», участвую в общественно значимых проектах и акциях, за что была награждена благодарностями Общественной Палаты Тамбовской области, МАОУ «Дирекции культуры и массового отдыха», религиозной организации «Православный приход Никольского храма села Пушкари Тамбовского района Тамбовской области», Администрации МБУ «Централизованная библиотечная система» города Тамбова, партии «Единая Россия», МБУК «ДК» Знамя труда», «Бессмертный полк».

В 2023 году окончила 9 классов и подала документы в «Тамбовский областной медицинский колледж». Стихи начала писать с 6 лет. Но спустя некоторое время бросила это занятие. Возобновила сочинительство лишь через 7 лет. Последний год я активно развиваюсь в сфере поэзии.

В конкурсе «Литературная вахта памяти» захотела участвовать потому, что не смогла остаться в стороне от современных событий: от того, что снова поднимает голову фашизм и гибнут дети! Опять, как в годы Великой Отечественной войны, гремят взрывы, горят жилища, рушится мирная жизнь. Мое стихотворение было написано пару лет назад, когда я была еще совсем ребенком, от лица игрушки. Тогда невозможно было предположить, что события стихотворения воплотятся в действительность. Мне бы хотелось, чтобы война закончилась и никогда больше не повторялась!»

РАЗВЕ МОГУТ ИГРУШКИ ПЛАКАТЬ?..

День на ночь начинает сменяться,
А на сердце скребутся кошки.
Разве мишки умеют бояться?
Да, умеют. Но лишь немножко.

Не вернулась хозяйка к ночи.
За окном тишина пустая.
И тревожно становится очень.
От чего? Я и сам не знаю.

Засыпает уж кукла Кама,
Засыпает сова Хавроша.
Только мишка не спит ни грамма,
Ждёт хозяйку. Он друг хороший.

Легкий свист показался игрушке,
Напряженье прошлось по меху.
Будто в страшной ночной ловушке,
Он увидел вдали человека...

Звук все ближе, все громче и громче
И пропал на секунду будто.

Осветило весь дом вдруг, точно
В один час наступило утро.

И горит уже дом, как спичка.
Показалось, что мир качнулся.
Улетела подальше птичка,
А фашист вдалеке улыбнулся...

Обвалились за крышей доски,
Почернели от дыма двери,
А у мишки шершавый носик
И животик уже сгорели.

Защищал и не верил страху,
Этот храбрый герой из плюша.
Но лежит под обломком краха,
Среди досок, уже потухших.

И на лапках прожглись три точки,
Не осталось на глазках лака.
Почему-то намокли щечки.
Разве могут игрушки плакать?..

Критика и литературоведение

Саламбек АЛИЕВ

НОЧНЫЕ ПЕСНИ ПЛЕННИКА ПЛАМЕННЫХ ЗВЕЗД

(О поэзии Асламбека Тугузова)

Из далекого детства осталось у меня одно светлое воспоминание. На нашей длинной-предлинной сельской улице имени Феликса Дзержинского через три переулочка жили родственники, к которым я после всяких сумасшедших детских игр часто наведывался. Усаживали меня за стол, на котором все было прекрасно, кроме одного – чай разливали в пиалу. Во-первых, я привык к кружке с ручкой, во-вторых – и это самое главное, чай в пиалу разливали на самое доньшко, что мне буквально хватало на один, но протяжный «шлюююп». Следом я протягивал чашку. Потом еще раз. Потом еще раз. Где-то на пятом или шестом «разе» во мне просыпалась «совесть» и, подавлявая в себе непреодолимое желание протягивать пиалу снова и снова, вставал из-за стола с «сытым» лицом, но грустными глазами, озираясь на конфеты и печенюшки, оставшиеся на столе. Теперь уже, пребывая на пятом году пятого десятка, мне вспоминается тот чай в пиале как нечто очень сладкое

и очень вкусное. Да, очень сладкий и очень вкусный чай! Особый вкус и особую сладость этому чаю, в числе многих других факторов, придавало то, что он был разлит на то самое доньшко и что его хватало на один, от силы два глотка. И, несмотря на то, что маленькому мне такой дозированный чай доставлял этические неудобства, сегодня же мне он предстает в некоем эстетическом свете: в этой отмеренности мне сегодня видится и магия, и музыка, и поэзия настоящей чайной церемонии, ритуальность которой и заключается в этой дозированности, позволяющей насладиться истинным вкусом напитка.

Когда Асламбек Тугузов порционно выдает свою поэзию в Фейсбуке, я, как и многие почитатели его таланта, зачастую испытываю восторг, смешанный с предвкушением. Прочувствовав глубину его стиха, ожидаю новый, чтобы опять испытать это чувство эстетического праздника души. Но сейчас передо мной на столе лежат два сборника его стихов с романтическими названиями: «Ночные песни» (2019) и «Пленник пламенных звезд» (2020). И это, согласитесь, не «один или два» фейсбучных «глотка», когда Тугузов своих читателей оставляет с неким осадком: еще бы чуть-чуть этого нектара, этой образности, музыкальности, соучастности и

сопричастности, но Тугузov как бы говорит «до следующего раза, дорогие друзья!» и на этом «поэтический вечер» в Фейсбуке завершается. И вот сейчас передо мной, повторяюсь, два сборника, притом добротных сборника... И я погружаюсь в удивительный океан большой поэтической образности и глубоких, философских смыслов, очень тонко, филигранно выраженных настоящим лириком начала XXI века из чеченцев.

Впервые имя Асламбека Тугузова я услышал от одного знакомого, который с эйфорией поведал, что в Интернете есть поэт, вызывающий у всех восхищение. Двух этих слов – «Интернет и «восхищение» – хватило, чтобы дальше не продолжать разговор: к тому времени у меня выработалась стойкая неприязнь к этому словесному тандему. А все дело в том, что за несколько лет работы в журнале от этих горе-пиитов и горе-беллетристов «настрадался» настолько, что даже несколько раз порывался уйти из редакции. К примеру, заходит в кабинет он (или она), достает из сумки (папки, портфеля) тетрадь (распечатанные листы), или из кармана флешку, или даже смартфон, и тут начинается... Думаю, важно будет упомянуть об одной тенденции относительно «поэтов» и «прозаиков». Если ты «прозаику» сначала робко, потом все настойчивее пытаешься донести, что «это не годится, слабо, неубедительно, не выпукло, не художественно, избито, тривиально», указываешь на неточности, слабый сюжет, диалоги и т.д. и т.п., автор рассказа или повести одной единственной репликой разносит в пух и прах все, что ты только что говорил. С надменным взглядом и дрожащим голосом до тебя доносится: «А ты... ты... знаешь, что это... это... случай из реальной жизни!» – «Чтооо?!» С поэтами все такой же обидный разговор получается. «Эээ, сударь (сударыня), это никак-с не поэзия...» – «Как?! Как так-с не поэзия?!» – «Вот так-с, это совершенно вторичные тексты, это какой-то набор искореженных смыслов и слов, это...» – «Да?! А в Интернете всем нравится! А в Интернете все пишут восторженные комменты, ставят лайки...»

Да уж, в эпоху лайков и дизлайков как не относиться настороженно ко всему, что «оттуда», из Интернета. Но, с другой стороны, мы прекрасно видим, что графоманы и рифмоплеты атакуют нас и с книжных полок, и со страниц периодических изданий. Да отовсюду! Этакие «литературные» покемоны, у которых есть своя маленькая, но крепкая и устойчивая армия фанатов, страдающая КОВИДом от литературы – отсутствием всякого вкуса.

Мои же опасения относительно поэзии Асламбека Тугузова оказались напрасны. Однажды я «самоходом» добрался до его страницы в Фейсбуке и нашел в его поэзии и характер, и глубину, и боль, и страх, и страсть, выраженные в простой человеческой интонации (добиться же простой человеческой интонации – совсем не просто). Не будучи поклонником социальных сетей (любых), чисто из «экологических» соображений подписался на его страницу, ибо редко найдешь в наших окрестностях место, где есть «воздух, пригодный для дыхания» (Герман Гессе).

Из двух стихотворных сборников Асламбека Тугузова, естественно, первым для прочтения выбрал тот из них, что вышел по времени первым – это «Ночные песни» 2019 года выпуска. Но, как выяснилось позже, в принципе, можно было начать и с «Пленника пламенных звезд», так как последняя книга включает в себя почти все стихотворения из первой книги. За редким исключением все.

Кто такой поэт Асламбек Тугузов? И вообще, кто они – поэты? Как они появляются? И зачем? Для чего? Для кого? Могли бы мы все, кто не поэты, обойтись без них, кто поэты? Или – нет, может, мы все и есть поэты? Кто же из нас не очаровывался и не печалился закатом, рассветом, звездным небом, курлыканьем журавлиного клина в осеннем или весеннем небе, листопадом, снегопадом и пр., и пр.? Кто из нас не плакал? У кого из нас не болело? Если так, то каждый из нас поэт – и ныне, и присно, и во веки веков! Вот только некоторые из нас идут дальше, чем просто созерцать и переживать – они пишут стихи, графику души выводят в графику букв, слов и наречий, вследствие чего рождается поэзия как отражение душевной красоты. Поэт Асламбек Тугузов пишет о том, что «много в сердце... накопилось пылающих слов», и следом выдает поэтический и человеческий манифест:

...Не закопать, а выкопать хочу
Живую боль, готовую к атаке,
Пока Господь не дунул на свечу
Беспутной жизни, тлеющей во мраке.

Но, как рыбак, упругую блесну
В поток воды в преддверии улова,
Бросаю мысль в седую глубину,
И сразу же вытаскиваю слово.

Оно кричит от имени судьбы
Непризнанных и преданных забвенью
Холодным равнодушием толпы,
Погрязшего в развороте поколенья.

Оно кричит и рвет до хрипоты,
Тревожа сон трусливого сознания,
Рыдает от кромешной пустоты
И мечется на дне существованья.

(«А памяти кизиловый дымок»)

Наверное, следующая фраза покажется отчасти глупой, а отчасти наивной, но это так: Тугузов, несмотря на то, что является чеченцем до мозга костей, вместе с тем является представителем русской поэтической школы. И это вовсе не потому, что он пишет на русском языке – сколько мы знаем тех, кто пишет на русском... и только. Тугузовская поэзия вобрала в себя все самые лучшие соки русской поэзии, начиная с Золотого века, продолжая Серебряным, лирикой военных лет (1941-45гг.) и далее, и далее...

Плескалась гладь серебряной реки,
 Прозрачная от льющегося света,
 И звезды, как большие мотыльки,
 Плескались в ней до самого рассвета.

(«Шесть звонких струн. Мелодия души»)

Во всей этой гамме звуков и слов – плескалась гладь, серебряная река, льющийся свет, звезды и мотыльки – нет ничего «чеченского». В этой поэтической коллаборации сосредоточена русская силлабо-тоническая школа, начиная с XIX века и весь XX-ый (Лермонтов, Плещеев, Фет, Суриков, Бунин, Есенин, Пастернак, Рубцов...) А порой поэт может отправить своего читателя в далекие дебри Гугла в поисках значения того или иного слова. В стихотворении, посвященном Луле Жумулаевой, читатель споткнется о слово «зане»: Пускай уж воет волк и сонная волчица / Подхватит скорбный вой и громко вскрикнет птица. / Над Родиной глухой – пусть плачет через силу, / Зане родная дочь твоя сошла в могилу. /

В стихотворении 2016 года (да, Тугузov все свои стихи датирует, и это замечательно) поэт приводит грустную картину – преддверие войны и разлуку:

Знобило. У вашей калитки
 Мне стало немного теплей.
 А мимо, как будто улитки,
 Шли толпы усталых людей.

У памяти все дорогие,
 От близких друзей – до врагов,
 А мы молодые такие,
 Стояли на стыке веков...

И тут же в памяти всплывает другая грустная картина из есенинской «Анны Снегиной»:

Когда-то у той вон калитки
 Мне было шестнадцать лет,
 И девушка в белой накидке
 Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие, милые были.
 Тот образ во мне не угас...
 Мы все в эти годы любили,
 Но мало любили нас.

И тут дело не в том, что и там и тут поскрипывает калитка, и даже не в том, что и по сюжету две эти поэтические истории чем-то схожи – у Есенина тоже преддверие войны и всеобщего хаоса на пару с разлукой. Oldschool Тугузова носит подсознательный характер, но вместе с тем эта самая подсознательность не случайна, она в первую очередь – плод той самой русской поэтической школы, в которой Тугузов как поэт учился очень усердно. Наверное, в том числе и это самое имела в виду поэт Марина Саввиных когда писала в предисловии к сборнику «Пленник пламенных звезд»: «Давненько не встречала я у наших русских поэтов столь чистой, внятной, празднично яркой, ироничной и опрятной русской речи, как у чеченца Асламбека Тугузова». Чистая, внятная, празднично яркая, ироничная и опрятная речь чеченца Тугузова, к примеру, выглядит так:

Меня такая мысль гнетет,
Слагаясь в стих невольно:
Когда умрет мой старый кот –
Мне будет очень больно.

Когда свернувшийся в клубок
Лежит он на диване,
Я знаю, что не одинок
В моей пустой нирване.

...Бывает, разойдутся днем
Домашние куда-то,
А я сижу с моим котом,
Беседую как с братом.

Он строго смотрит на меня,
Как будто понимает,
Про что ему толкую я
И что меня терзает.

...Сияй же пламя желтых глаз,
Моргай кошачье веко.
Не рвись мистическая связь
Кота и человека.

По мере погружения в поэтический океан Асламбека Тугузова читатель то тут, то там натывается на кораллы и жемчуга, состоящие из аллюзий, реминисценций и ретроспектив, что в свою очередь придает его поэзии постмодернистский характер. Нет, Тугузову как поэту не присуща эклектика, он не смешивает стили, не устраивает поэтические загадки и шарады, не

нарушает он также и нормы словообразования, сочетаемости, грамматики, орфографии, пунктуации и пр., то есть, все у него по правилам и канонам, а самое главное, автор в его поэзии «не умер», наоборот, его голос звучит ясно и четко, как натянутая струна, но, вместе с тем, его поэзия интертекстуальна, она вбирает эпохи, отсылает к различным поэтическим школам, конкретным авторам, историческим и культурным эпизодам или даже к сводкам криминальных новостей современной России, временами присутствует эпатаж, ирония соседствует с черным юмором:

В культурной столице России,
В квартире, как старый бандит,
Прищурив глаза голубые,
Профессор усталый сидит.

...Нет в жизни ни смысла, ни форта,
Нет скрепов и нету любви.
Забрызган сюртук Бонапарта
И ворс панталонов в крови.

А утром светило науки
Приходит к холодной реке,
И нежные женские руки
Томятся в его рюкзаке.

...Логичный и чем-то нелепый
Финал, и кромешная тьма.
Ах, эти духовные скрепы,
Ах, горе от мрака ума.
(«В культурной столице России»)

Томно-романтический и грустный лермонтовский мотив – Выхожу один я на дорогу; / Сквозь туман кремнистый путь блестит; / Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, / И звезда с звездой говорит. / – у Тугузова в стихотворении 2000-го года приобретает апокалипсическое звучание:

Выхожу один я из подвала,
Старый двор воронками изрыт.
В небе свет ракеты, темно-алой,
Мне о смерти близкой говорит.

Как на сцене дикой пантомимы,
Бьются тени мрака и огня,

Асламбек Тугузов

И земля, окутанная дымом,
Громко кличет, может быть, меня.

Вот иду, несу свою тревогу,
Рядом что-то рвется и горит.
Здесь давно никто не внемлет Богу,
И звезда с звездой не говорит...

А под мотив песни советской эпохи «С чего начинается Родина?» до нас доносится тот самый плач одинокого волка под луной. Плач, в котором нет конечных ответов, есть только бесконечные вопросы:

...А может, она начинается
С разрушенной башни в горах,
Где все еще в сумерках маятся
Мятежного пращура прах...

...С чего начинается Родина,
Откуда, с какого конца?
С осевшей и грустно ухоженной
Могилы родного отца...

...А может, она начинается
От тех еще первых шагов,
Где молодость наша скитается
В разгрузке на восемь рожков.

Где дым до небес поднимается
И глохнет живое в дыму,
И сердце на ребра бросается,
И удержу нету ему.
(«С чего начинается Родина?»)

«А не усмотрят ли в творчестве Тугузова отсутствие собственного голоса, собственного авторского стиля?» Эта мысль была высказана автору этих строк одним уважаемым литературным критиком.

Не только художественная литература «грешит» таким явлением как «авторский стиль». (И правильно, что «грешит». Это как почерк, который у каждого свой, или походка, или пальца отпечаток). Буквально все в этой жизни, все, что выходит под знаком качества, буквально все, что делается талантливо, имеет свой оригинальный, индивидуальный стиль. Совершенно нелитературный пример из бокса: Мухаммед Али – порхать, как бабочка и жалить, как пчела; Майк Тайсон – натиск и агрессия; Леннокс Льюис – академическое боксирование...

А сколько в литературе своих «пестрых» голосов. Разве можно спутать мрачного Достоевского с лаконичным Чеховым или тяжеловесного Толстого с в меру сентиментальным Тургеневым, Бунина с Куприным, Горького с Бабелем, Хемингуэя с Ремарком, Маркеса с Борхесом..? Несмотря на то, что используются те же буквы и слова, разве похожи стихи Цветаевой и Ахматовой, Маяковского и Мандельштама, Есенина и Пастернака?..

То, что поэтика тугузовских текстов корнями уходит в классические каноны не только русской, но и мировой поэзии, в частности, мусульманского Востока, никак не умаляет достоинства его собственного поэтического голоса, и, тем более, не говорит об отсутствии последнего. Тугузов не является поборником «старой школы». Если представить ситуацию, при которой не было бы всей той плеяды больших имен Золотого и Серебряного веков, то и тогда его поэзия дышала бы именно так, как она дышит сегодня. И образ розового коня – Была весна, слегка раздвинув шторы,/ Сияла даль, а рядом, в тишине/ Кричал петух и кашлял пьяный сторож/ И ночь неслась на розовом коне/ – это образ Тугузова, переосмысленный и пережитый им, который через десятилетия «перескакал» из есенинских строк. Как у глубоко начитанного и филологичного человека, у Тугузова все отложено в сознании, в культурном коде и позже оживает в собственном поэтическом опыте.

Тугузов остается тонким пронзительным лириком во всем, даже в лирике военной. Кстати, именно в ней он, как мне кажется, достигает подлинной поэтической высоты и глубины. В стихотворении «Падал снег и вьюжили снежинки» поэт удивительным образом передает ужас войны и человеческого отчаяния в ней.

Падал снег, и выюжили снежинки
Над седыми сопками Карпинки,
Над Нефтянкой и над Ташкалой.
Заметая черные воронки,
Падал снег, стремительный и тонкий,
Словно вестник истины благой.

Какой музыкальный слог! Слова в этом стихотворении льются, как музыка в вальсе Евгения Дога! Если бы не словосочетание «черные воронки», то перед нами предстает вполне мирная картина, а человеку, далекому от событий тех лет, названия чеченских населенных пунктов – Карпинка, Нефтянка и Ташкала – вполне могут быть восприняты либо нейтрально, либо как незнакомые, можно сказать, экзотические топонимы. Но каждой новой строчкой градация кружения вальса смерти усиливается:

Падал снег, и было очень тихо,
Словно отступив, уснуло лихо,
Словно вдруг за эти полчаса
Кончились у времени патроны,
Все его проклятия и стоны,
Все его гудки и голоса.

Падал снег, свободный и крылатый,
Весело царапая бушлаты
Павших и оставшихся лежать
Навсегда под этими снегами,
Белыми, холодными руками
Цепко вгрызшись в ледяной асфальт...

Как мне кажется, это одно из лучших стихотворений о войне, когда и кем-либо написанных. Читатель испытывает наивысшую степень осознания и погружения в контекст, воспринимая «происходящее» на физическом и метафизическом уровне.

Падал снег, и век прощался с веком
Навсегда, как будто с человеком
Близким и навеки дорогим.
И душа, свернувшаяся в льдинку,
Принимала каждую снежинку,
Окликая именем одним.

Падал снег, и бился в перепонки,
Бел как саван, или как пеленки

В темноте космической трубы,
Где уже ни смерти, ни томленья –
Только это вечное кружение,
Белый танец снега и судьбы.

В предисловии к поэме «Реквием» Анна Ахматова пишет: «В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать?

И я сказала:

– Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом».

Если собрать на одной чаше весов воспоминания всех маршалов и генералов войны 1941-45 гг., будь то Жуков, Конев, Рокоссовский и т.д., исследования всех историков тех и более поздних лет, все официальные сводки и т.п., а на другой чаше расположить четыре финальные строчки из небольшого стихотворения Семена Гудзенко «Перед атакой» – Бой был короткий. А потом / Глушили водку ледяную, / И выковыривал ножом / Из-под ногтей я кровь чужую / – и задаться вопросом: у кого и где мы можем отследить весь ужас войны, человеческую трагедию, антивоенный посыл? Думаю, ответ очевиден.

Когда художник слова, претерпевший, переживший, пропустивший через себя боль и скорбь своего народа, берется за перо – это во сто крат мощнее, чем мертвые речи, которые читаются по шпаргалке с высокой трибуны или толстые, увесистые тома историков и ученых, которые нормальные люди ни при какой погоде читать не будут. Тем более, в наших реалиях, когда история, наподобие маятника, задерживает свой ход в угоду той или иной конъюнктуры, только слово поэта может взять на себя роль суровой исторической правды.

В Большой Российской энциклопедии есть статья под названием «Операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне 1994-96 гг.», где сухим, телеграфным языком, как и принято в подобных изданиях, поведано о том, что под вышеприведенным термином понимаются «действия Объединенной группировки войск (ОГВ) в соответствии с Указом Президента РФ... (далее приводится длинный перечень цифр указов и постановлений Правительства РФ – С.А.) в целях разоружения и ликвидации незаконных вооруж. формирований (НВФ), стабилизации обстановки, восстановления законности и правопорядка на территории Чеч. Республики...» И далее в таком же духе вся статья о войне, вернее, о бойне. В книге Антипова А. В. «Лев Рохлин: жизнь и смерть генерала» устами того самого генерала передается следующий рассказ: «Разгром был полный. Командование находилось в шоке. Его главной заботой стали, очевидно, поиски оправданий свершившегося. Иначе трудно объяснить тот факт, что на связь со мной никто не выходил... Начальники словно воды в рот набрали. Министр обороны (генерал Павел Грачев), как мне потом рассказывали, не выходил из своего вагона в Моздоке и беспросветно пил...» Этот фрагмент рассказа российского генерала – яркое свидетельство тех страшных дней, здесь

присутствует живой голос, возмущение, эмоции, краски. Но уже перо поэта картину по «восстановлению конституционного порядка» описывает следующими словами:

И с такой трескотней, что горела земля,
Глухо падали стены и лопались камни.
И какая-то псина, безбожно скуля,
Волочила кишки, как упавшее знамя.
(«Это было давно, а как будто вчера...»)

***

Поэзия поэзии рознь, так же как и поэты. Сколько их, безумных, посещали, посещают и будут посещать сей мир – не счесть. Но вот опять же, какая оказия! Среди поэтов есть те, кто думают, что они поэты, уверенные, что они поэты, довольные, что они поэты, испытывающие блаженство от того, что они поэты, откидывающие голову, как поэты, закидывающие ногу на ногу, как поэты, дающие советы всем – и начинающим, и завершающим, и даже тем, кто никогда не писал и не собирается писать. Они пишут стихи ко всяким торжественным, праздничным, церемониальным, скорбным, траурным и ко многим другим дням. Они обязательно напишут об осени, стоит увидеть лужу, о зиме при виде сугроба, о весне при распутице, а вот лето они как-то не очень жалуют – то ли муха, ползающая по бумаге, мешает, то ли комар на лбу, и лишь некоторые из них напишут о лете уже осенью, типа «ах, лето! прощай, лето!». Но обязательно в их поэтическом арсенале есть, были и будут стихи о Родине, о горах, о роднике, что под горой, о башне, что над горой, о солнце, заходящем между горами, о деде, о прадеде, о прапрапрадеде...

И вот один из них, одетый с иголки – черные, сверкающие туфли, классический костюм, белая рубашка, надутые щеки и багровое лицо от плотно затянутого галстука – выходит на сцену к микрофону. На лацкане его пиджака, если на календаре красная дата или, как правило, собственный юбилейный вечер, поблескивают и позвякивают Бог весть откуда-то взявшиеся значки, медали и ордена. Зал замирает. Какое-то легкое, воздушное мановение, сначала руки, затем головы, следом обеими руками поэт поправляет микрофон, хотя никакой нужды его поправлять не было и нет, взгляд его великодушно окидывает зал, и следом поэт начинает чтение собственных стихотворений. С голосом поэта происходят различные трансформации – он то бормочет, то завывает, то горланит, то скорбит, то переходит на шепот, а то и на молитвенный распев. Неизменным у поэта на всем протяжении тридцати шести или сорока двух стихотворений, что он прочитает за сегодняшний вечер, будут глаза – грустные, грустные, как у коровы, ведомой на убой, или, как у есенинской собаки, перед тем, как они «покатились... золотыми звездами в снег».

Но все, что читает наш поэт, живой, так сказать, классик, по своему поэтическому уровню не многим отличается от того, что когда-то в советские времена любая идеологическая газета публиковала на последней странице, с оговоркой, дескать, «стихи наших читателей». И от этого неумеренного примитивизма, от этих ужасных рифм, пошлейших и шаблонных метафор, восторженных эпитетов, неуместных клише так больно и обидно становится и за башню на горе, и за родник под горой, и за солнце между горами, не говоря уже о пращурах... Затем вечер юбилейный окончится, поэт сойдет со сцены под овации, с очередной металлической цацкой на

пиджаке и с цветами. В фойе зала к поэту выстроится очередь за автограф-книгой, на обороте которой живой классик напишет что-то в духе «читай и расти, мой дорогой (ая)!» И никому невдомек – ни поэту, ни его почитателям, что приобщение к подобным сборникам стихов «в столбик и в рифму», отбрасывает их далеко от подлинной поэзии, от настоящей литературы.

Но, к счастью, к огромному счастью, бывает и по-другому. Бывает так, что через круговорот рождения и смерти, через толщу годов и хрупкость дней, в эпоху всеобщего гниения и распада, лжи и предательства, обмана и корысти, в эфир начинают литься строки, которые волнуют твое обезумевшее сознание и истосковавшуюся душу, или же, выражаясь словами самого поэта, «...сердце на ребра бросается, и удержу нету ему».

Гомер ушел, ахейских журавлей
 Пропала в небе плачущая стая...
 Ах, молодость, зачем, тебя листая,
 Я становлюсь тревожней и смелей.

Зачем теперь мне снятся мертвецы,
 И голоса их полные печали.
 Зачем гляжу в безжизненные дали,
 Пустых столетий звездные концы.

Вернись, Гомер, века перешагни,
 И посмотри прозревшими очами
 На нас, исполосованных мечами,
 И новую поэму сочини.

Для меня Тугузов, чисто в литературном контексте, это представитель чеченского «потерянного поколения». Дожив до того возраста, вернее, до того душевного состояния, когда «снятся мертвецы, и голоса их полные печали», он пытается отыскать, прежде всего для самого себя, эликсир от страха и одиночества в рифмованных закоулках собственной поэзии. Сетуя на то, что «мы родились в дурные времена, мы родились, наверное, некстати», поэт, естественно, понимает, что не волен выбирать ни время, ни судьбу, но его наивысшей задачей как художника – оставаться в любое время и в любые времена самим собой, сохранить свою внутреннюю свободу.

Несмотря на ранее упомянутую «русскую школу поэзии», на отсутствие «чеченской лексики» в его стихах, Тугузов, вместе с тем, является подлинным большим чеченским поэтом – чеченским поэтом, выбравшим инструментарием для самовыражения русский язык. Его поэзия – это боль и страдание чеченского народа, и многие его стихотворения – это развернутые метафоры о Родине. И потому поэзия Тугузова, конечно, не избавит нас от тоски, в определенном смысле именно в нее она нас и ввергает, но эту целительную тоску вполне можно выписать как рецепт от головокруженья.

КУХНЯ НАРОДОВ МИРА

КУРИНЫЙ ПАПРИКАШ (ВЕНГРИЯ)

Ингредиенты:

4 куриных окорочка,
1 ч. ложка соли,
1/2 ч. ложки черного молотого перца,
4 ст. ложки растительного масла,
20 г сливочного масла,
1 головка репчатого лука,
3 зубчика чеснока,
2 ст. ложки паприки,
1 ст. ложка муки,
400-500 мл томатного сока,
150-200 мл сметаны.

Куриные окорочка натереть солью, черным молотым перцем и растительным маслом.

В сковороде разогреть растительное и растопить сливочное масла. Обжарить курицу по 5-6 минут с каждой стороны.

Мелко нарезать лук и выложить в сковороду, где жарилась курица. Обжаривать 2-3 минут до

прозрачности. Нарезать чеснок, добавить к луку и обжаривать еще 1 минуту. Добавить паприку и муку и тщательно перемешать. Готовить 2-3 минуты. Затем вылить в поджарку томатный сок и готовить до загустения еще 2-3 минуты. Перелить соус в форму для выпечки. Сверху выложить окорочка и полить их соусом. Запекать 30-35 минут в разогретой до 200 градусов духовке. Выложить курицу на блюдо. В соус добавить сметану и тщательно перемешайте. Подавать курицу с соусом и гарниром

ЛЕЧО (ВЕНГРИЯ)

Ингредиенты:

1 кг помидоров,
1250 г сладкого перца,
80 мл растительного масла,
150 г сахара,
1 ст. ложки соли,
1 ст. ложки 9% уксуса,
15 горошин черного перца.

Помидоры измельчить блендером или натереть на терке. Вылить полученную помидорную массу в кастрюлю и довести до кипения. Добавить соль, сахар и продолжать варить на слабом огне 15 минут с закрытой крышкой. Соус попробовать, добавить соль и сахар по вашему вкусу.

Перцы очистить от семян и нарезать кольцами. В помидорный соус положить нарезанные перцы и варить на слабом огне 15 минут с закрытой крышкой. Добавить перец горошком и уксус, варить еще 5 минут. Разложить готовое лечо в чистые сухие банки и закройте стерилизованными крышками. Банки необходимо перевернуть крышками вниз, укутать теплым пледом и оставить так до полного остывания. Хранить в прохладном месте.

ТВОРОЖНЫЕ ШАРИКИ ПО-ВЕНГЕРСКИ

Ингредиенты:

300 г творога,
2 яйца,
50 г манной крупы,
200 г сметаны,
растительное масло для жарки,
сахарная пудра для посыпки,
панировочные сухари,
чернослив – по вкусу,
абрикосовый джем – по вкусу.

Творог обсушить на бумажном полотенце, если слишком мокрый, и протереть через сито. Слегка подсолить, добавить желтки 2 яиц, манную крупу, смешать до однородной массы.

В отдельной посуде взбить 2 белка и осторожно ввести их в творожную массу. Тесто готово.

В просторной посуде вскипятить слегка подсоленную воду. Мокрыми руками слепить небольшие шарики. Для уверенности лучше бросить в кипящую воду один и понаблюдать – если держит форму, то через несколько минут вынуть из кипящей воды и попробовать. Если шарик распадается – добавить немного манки, а если слишком плотный – добавить к тесту больше творога. Шарiki можно полностью или частично начинить любимой венграми начинкой – черносливом.

Когда шарiki всплывут, продолжать варить их на небольшом огне еще 5-7 минут.

Растопить небольшое количество масла и подрумянить в нем панировочные сухари.

Подогреть сметану до 35-40 градусов.

Готовые шарiki распределить по подогретым порционным тарелкам, залить сметаной, посыпать подрумяненными сухарями. Можно добавить любимого венграми абрикосового джема либо просто присыпать блюдо сахарной пудрой.

БОРЩОК «СТАРАЯ ЭСТОНКА» (ЭСТОНИЯ)

Ингредиенты:

1 отварная крупная свекла,
1 яйцо вкрутую,
1/2 луковицы,
1 картофелина,
1 ст. ложки томата,
мясной бульон,
2 ст. ложки растительного масла,
зелень укропа,
соль – по вкусу.

В кипящий мясной бульон заложить очищенный и нарезанный соломкой картофель.

Пока варится картофель, измельчить лук и пассеровать в масле, добавить томат и протомить 5 мин. Переложить в кастрюлю. Свеклу натереть на крупной терке и добавить в кастрюлю. Посолить по вкусу. Когда закипит, добавить нарезанное некрупно яйцо и выключить газ. Разлить по тарелкам и посыпать зеленью укропа.

ПЕРЛОВАЯ КРУПА С ПЕТУШКОМ ПО-ЭСТОНСКИ

Ингредиенты:

300 г кислой капусты,
½ (1 кг) домашнего петушка,
500 гр. лука,
1 стакан перловой крупы,
1 ст. ложки сахара,
соль, черный перец – по вкусу.

Крупу предварительно замочить (желательно на ночь). Затем воду слить, крупу промыть, отварить в течение 10-20 минут, и снова слить воду.

Домашнего жирного петушка (можно и курицу), нарезать кусочками и уложить на дно керамической кастрюли.

Поджарить до золотистого цвета лук, добавив немного сахара.

Поверх кусков мяса выложить слой капусты. Посолить и поперчить. Затем выложить слой отваренной перловой крупы и лук. Аккуратно перемешать лук с крупой, стараясь не задеть слой капусты. Залить водой (чтобы покрыла содержимое на 2 см). Накрыть крышкой и готовить в духовке 2 часа при температуре 160 С.

ЭСТОНСКИЙ КЕКС НА БЕЛКАХ

Ингредиенты:

12 яичных белков,
350 г мелкого сахара,
320 г муки,
200 г сливочного масла,
2 ст. ложки крахмала,
2 ч. ложки разрыхлителя,
щепотка соли.

Сливочное масло растопить, но не доводить до горячего состояния (если перегрелось, остудить).

Белки взбить с 4 столовыми ложками сахара и щепоткой соли в пышную пену.

В другую миску просеять муку с разрыхлителем и крахмалом. Смешать с оставшимся сахаром.

Во взбитые белки осторожно и попеременно вмешать муку и сливочное масло (движения снизу вверх и по кругу).

Перелить в форму, смазанную растительным маслом, и поставить в разогретую духовку.

Выпекать при 180 градусах примерно 1 час (готовность проверить с помощью сухой зубочистки).

Готовый кекс немного остудить в форме, а потом на решётке. Перед подачей посыпать сахарной пудрой.

МОРКОВНО-ИМБИРНЫЙ СУП-ПЮРЕ (ГОЛЛАНДИЯ)

В голландской кухне можно найти порой самые нестандартные сочетания ингредиентов, как например, в этом пряном супе-пюре из моркови с имбирем и специями.

Ингредиенты:

(6 порций)

1 средняя луковица,
400 г тертой моркови,
1,5 литра овощного бульона,
2 ст. ложки оливкового масла,
4 зубчика чеснока,
1 лавровый лист,
6 ст. ложки тертого имбиря,
6 ст. ложек обычного несладкого йогурта,
веточка тимьяна для украшения,
щепотка мускатного ореха,
перец и соль – по вкусу.

В большой кастрюле на среднем огне разогреть оливковое масло. Порезать лук и обжарить в разогретом масле, помешивая от 5 до 7 минут.

Добавить мелко порубленные дольки чеснока, тертую морковь, имбирь, лавровый лист, убавить

огонь и готовить на маленьком огне, помешивая, в течение 20 минут.

Добавить овощной бульон, увеличить огонь до среднего, довести до кипения. Затем убавить огонь и варить еще 15-20 минут, пока морковь не будет легко разминаться. Вынуть из бульона лавровый лист. Приправить мускатным орехом, солью и перцем. Снять с огня и взбить суп блендером в однородное пюре.

Готовый суп-пюре разливаем по чашкам, добавляем йогурт и украшаем веточкой тимьяна.

КОУЛСЛОУ – САЛАТ ПО-ГОЛЛАНДСКИ

Ингредиенты:

Половина небольшого кочана капусты, морковь – половина от количества капусты (чтобы оранжевый цвет салата был заметен издали),

1 стебель черешкового сельдерея (можно и зелень),

1 или 3 ст. ложки сахара (уменьшить дозу по вкусу),

1 – 2 ст. ложки майонеза,
щепотку чёрного молотого перца,

соль – по вкусу,

сок лимона – по вкусу.

горчица – по вкусу.

Половину небольшого кочана капусты порезать на ленты, предварительно вырезав кочерыжку. После чего размешать капусту руками, изрядно примяв ее. Натереть морковь на бернеровской тёрке (как для моркови по-корейски) и добавить к капусте. Порезать кубиками сельдерея (или зелень сельдерея), отправить к капусте и моркови. Добавить сахар, горчицу и майонез, по вкусу посолить, поперчить. Перемешать салат и сбрызнуть соком свежего лимона.

Рубрику подготовила Р. Берсанова

